ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА СЪ СѢВЕРА.

Графа М. Толстаго.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА СЪ СѢВЕРА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Много уже писано о пользѣ путешествій къ святымъ мѣстамъ, и еще болѣе можно узнать изъ собственнаго опыта и наблюденій надъ поклонниками. Одни изъ нихъ (это большинство нашихъ православныхъ богомольцевъ) идутъ пѣшкомъ, несмотря ни на погоду, ни на дорогу, перенося холодъ и жаръ, дождь и холодъ, несутъ послѣднюю свою трудовую копѣйку на свѣчу къ чудотворной иконѣ, или на елей въ лампаду къ ракѣ угодника Божія, съ живою вѣрою и горячею молитвою. И многимъ изъ нихъ дается по вѣрѣ ихъ, какъ доказываютъ опыты благодати Божіей въ чудесахъ и исцѣленіяхъ, по молитвамъ чудотворцевъ, не оскудѣвающіе и въ наше время. Другіе посѣтители святыхъ мѣстъ, при другой обстановкѣ жизни и при любви къ исторіи отечества, имѣютъ, кромѣ молитвы, еще другую цѣль въ путешествіи: они стараются изучить дѣянія и подвиги тружениковъ Божіихъ, видѣть, если можно, самые незримые пути Промысла Божія, насаждавшаго, чрезъ избранныхъ Имъ дѣятелей, разсадники вѣры и благочестія въ краяхъ пустынныхъ и безлюдныхъ. И этотъ второй видъ поклонниковъ (къ сожалѣнію теперь весьма малочисленный) также не лишенъ утѣшенія отъ всеблагаго Господа. Какъ человѣкъ, проведшій нѣсколько минутъ въ комнатѣ, гдѣ приготовляются ароматы, выноситъ съ собою благовонный запахъ, и долго сохраняетъ его при себѣ, такъ каждый изъ насъ (и мнѣ довелось испытать это неоднократно), посѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ сіяла и сіяетъ благодать Божія въ дивныхъ свѣтильникахъ Христовыхъ, какъ бы освѣжается душею, укрѣпляется въ вѣрѣ, становится (хотя на время) равнодушнѣе къ суетному міру и легче переноситъ невзгоды житейскія.

Давно уже хотѣлось мнѣ посѣтить сѣверный край Россіи—край, воздѣланный дивными подвигами, насажденный молитвами и слезами смиренныхъ рабовъ Божіихъ, спасавшихся вдали отъ грѣшнаго міра и прославленныхъ Создателемъ міра. Почти всѣ они принадлежатъ къ одной великой семьѣ — духовному потомству великаго отца иноковъ и крѣпкаго заступника Русской земли, богоноснаго чудотворца Сергія. Духовные слѣды его мы увидимъ повсюду на пути отъ Лавры его до крайняго предѣла сѣвера, до «моря студенаго», какъ называли наши предки Сѣверный Океанъ съ его заливами. Въ Переславлѣ небольшой монастырь, основанный другомъ и собесѣдникомъ Сергія—преп. Димитріемъ Прилуцкимъ; тамъ же древній храмъ, въ которомъ Сергій принялъ рукоположеніе священства. Въ Ростовѣ Великомъ—родина Сергія. Близъ Ростова — обитель, для которой мѣсто избрано и благословлено Сергіемъ, по просьбѣ двухъ пустынниковъ. Въ Ярославлѣ нельзя не вспомнить, что оттуда двинулись на очищеніе Москвы отъ Ляховъ рати Пожарскаго и Минина, того Минина, который получилъ вдохновеніе на подвигъ спасенія отечества отъ великаго отечестволюбца Сергія. Далѣе — на предѣлахъ ярославской и вологодской страны, разсыпаны по всему пространству непроходимыхъ нѣкогда дебрей, по теченію Нурмы, Обноры и Комелы, гнѣзда птенцовъ Сергіевыхъ — безчисленное множество обителей иноческихъ. За этою русскою Ѳиваидою — древній, благочестивый городъ Вологда, охраняемый заступленіемъ того же преп. Димитрія, который прежде подвизался въ Переславлѣ-Залѣсскомъ и былъ собесѣдникомъ великаго аввы Радонежскаго. Отъ Вологды открываются двѣ дороги: одна на сѣверъ ведетъ къ Ледовитому морю, къ острову Соловецкому, гдѣ поселился Савватій, также принадлежавшій къ духовному потомству Сергія. Другая дорога, болѣе краткая, въ предѣлы Бѣлозерскіе; тамъ подвизались ученики того же дивнаго наставника, Кириллъ и Ѳерапонтъ.

Недостатокъ времени по обстоятельствамъ семейнымъ заставилъ меня избрать послѣдній изъ этихъ путей.

Не стану говорить о быстромъ переѣздѣ отъ Лавры Сергіевой до Ярославля. За Ярославлемъ путешествіе измѣняется: вмѣсто прекраснаго шоссе предлежитъ простая дорога, по глинистой почвѣ изрытая дождями и наводненіями нынѣшней весны. Изъ Данилова, уѣзднаго города Ярославской губерніи, нужно было проѣхать еще одну станцію по большой дорогѣ ведущей въ Вологду и потомъ поворотить на проселокъ къ селу Воскресенскому на Обнорѣ, гдѣ былъ нѣкогда монастырь, основанный преп. Сильвестромъ, Обнорскимъ чудотворцемъ.

Мѣстность покрытая мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ напоминала, что здѣсь было начало необъятнаго Комельскаго лѣса, простиравшагося отсюда по всей южной полосѣ вологодской страны и далѣе на сѣверо-востокъ почти до самаго поморья. Въ эти дикія дебри, населенныя одними звѣрями, приходили любители безмолвія, ставили свои хижины и полагали основаніе обителямъ иноческимъ. Прежде всѣхъ другихъ пустынножителей пришелъ въ здѣшній край преп. Сильвестръ и поселился на самомъ краю глухаго лѣса, не въ дальнемъ разстояніи отъ жилищъ человѣческихъ. Онъ получилъ духовное воспитаніе подъ руководствомъ преп. Сергія Радонежскаго и былъ однимъ изъ первыхъ по времени учениковъ великаго наставника. Окрестные поселяне долго не знали, что въ лѣсу поселился отшельникъ; но одинъ изъ нихъ, сбившись съ дороги, случайно увидѣлъ убогую келью, изъ которой вышелъ пустынникъ, одѣтый въ рубищѣ. Онъ разсказалъ путнику, что давно уже живетъ въ этой пустынѣ, питаясь травами и кореньями, и не желаетъ, чтобы знали объ немъ другіе. Въ первое время подвижникъ изнемогалъ отъ голода и не рѣдко лежалъ на землѣ отъ изнуренія силъ, но къ нему явился чудный мужъ, прикоснулся рукою и укрѣпилъ его.

Вскорѣ послѣ этого перваго посѣщенія, тотъже поселянинъ вторично посѣтилъ подвижника и принесъ ему запасъ хлѣба; вслѣдъ за нимъ начали приходить многіе за духовными совѣтами, а нѣкоторые рѣшились жить съ преп. Сильвестромъ и поставили себѣ кельи въ лѣсу. Когда число пустынниковъ увеличилось, Сильвестръ срубилъ деревянную церковь въ честь Воскресенія Хри-

стови и был первымъ игуменомъ новой обители, основанной прежде всѣхъ прочихъ въ томъ пустынномъ краѣ, и мирно преставился 25 апрѣля 1379 года

Теперь нѣтъ уже здѣсь слѣдовъ прежнихъ дремучихъ дебрей; народонаселеніе довольно многолюдное истребило лѣса и на мѣстѣ ихъ развело нивы, зеленѣющіе луга и прекрасныя пастбища. Еще издали мелькаетъ бѣлый храмъ Воскресенскій на высокомъ холмѣ, окруженный новыми красивыми и уютными домами причта. Здѣсь радушно принялъ меня въ своемъ домѣ одинъ изъ двухъ священниковъ Воскресенскаго погоста, добрый и почтенный о. Алексѣй Братановскій. Немедленно пошли мы въ церковь. Храмъ каменный, сооруженный въ 1825 году, стоитъ на мѣстѣ деревянной Покровской церкви, первоначально построеной надъ гробомъ преп. Сильвестра. Храмъ устроенъ весьма благолѣпно; въ восточной половинѣ его главный престолъ посвященъ Воскресенію Христову; по обѣимъ сторонамъ пристроены въ недавиее время два придѣла, изъ которыхъ одинъ южный посвященъ памяти преп. Сильвестра. Въ западной зимней половинѣ церкви также два придѣла.

На южной сторонѣ главнаго храма почиваютъ подъ спудомъ многоцѣлебныя мощи чудотворца Сильвестра. На помостѣ церкви возвышается рака съ изображеніемъ преподобнаго. Подъ нею полъ прорѣзанъ; съ южной стороны ея отодвигается доска и въ это отверстіе виденъ гробъ съ св. мощами, не погребенный въ землѣ, но стоящій открыто въ деревянномъ склепѣ.

Четыреста семьдесятъ лѣтъ протекло со времени кончины угодника Божія, и деревянный гробъ, вмѣщающій въ себѣ сокровище мощей его, сохраняется цѣлымъ и невредимымъ! Мощи преп. Сильвестра прославлены многими чудотвореніями еще въ XVII в., но въ послѣдствіи времени, когда монастырь въ 1764 году былъ упраздненъ и храмъ его сдѣлался приходскимъ для нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, число богомольцевъ съ каждымъ годомъ стало уменьшаться. Окрестные жители почти позабыли бывшую обитель преп. Сильвестра; только въ день памяти его 25 апрѣля ежегодно совершался мо-

лебенъ передъ ракою чудотворца. Положеніе причта было весьма бѣдное въ приходѣ, состоящемъ изъ 193 душъ.

Но въ наши дни Господу угодно было вновь прославить память угодника своего. Въ 1860 году открылся неистощимый источникъ исцѣленій и другихъ чудесъ отъ гроба преп. Сильвестра. Я не стану утомлять васъ исчисленіемъ ихъ въ этомъ письмѣ; они извѣстны уже вамъ изъ превосходной статьи С. К. Смирнова (Душеполез. чтен. 1861 года ч. 3) и изъ епархіальныхъ вѣдомостей Вологодскихъ и Ярославскихъ за послѣдніе годы. Во время пѣнія молебна, я съ благоговѣніемъ размышлялъ о неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія: теперь, когда многіе стремятся отрицать все недоступное чувствамъ тѣлеснымъ, здѣсь въ этомъ скромномъ сельскомъ храмѣ сотнями и тысячами источаются сверхъестественныя проявленія всемогущей силы Божіей, по молитвамъ угодника Божія! Свѣдѣнія объ исцѣленіяхъ, тщательно повѣренныя и засвидѣтельствованныя, разносятся по всей землѣ Русской, къ обличенію невѣрія и утвержденію вѣры.

Еще представлялась мнѣ одна утѣшительная мысль: только одинъ этотъ храмъ (какъ увѣряли меня въ Ярославлѣ) былъ сооруженъ вновь во время краткаго управленія ярославскою паствою преосв. Филарета, архіепископа Ярославскаго, нынѣ маститаго первосвятителя Московскаго, по благословенной его грамотѣ, выданной въ 1821 году. Здѣсь видимо просіяла благодать Божія и когда же? Не задолго до того дня, когда Москва, съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Промыслу Божію, готовится праздновать пятидесятилѣтіе епископства своего архипастыря, старѣйшаго изъ святителей Русскихъ.

Въ церкви Воскресенскаго погоста сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ: икона Спасителя на убрусѣ съ старинною надписью: «сему образу молился преп. отецъ нашъ Сильвестръ;» три иконы преп. Сильвестра, изъ которыхъ одна, стоящая въ теплой церкви, отличается весьма искусныхъ древнимъ письмомъ и носится въ крестныхъ ходахъ; покровъ на раку съ изображеніемъ преп. Сильвестра, вышитый золотомъ и шелками, вкладъ «чорнаго старца Сильвестра въ домъ Сильвестру чудот-

ворцу на Обнору въ 1664 году,» какъ видно изъ вышитой надписи.

Въ бывшемъ монастырѣ преп. Сильвестра находились, кромѣ Покровской церкви, еще двѣ: Воскресенская и Срѣтенская. Обѣ онѣ разобраны въ 1824 году за ветхостью. Вышедши изъ церкви съ о. Алексѣемъ, мы пошли на востокъ по прекрасному лугу, по склону холма, къ рѣкѣ Обнорѣ. Отсюда видъ превосходный. Подъ горою течетъ быстрая, прозрачная Обнора, памятная по историческимъ преданіямъ XV в. По этой рѣкѣ, какъ говоритъ лѣтопись, в. к. Василій Темный, преслѣдуя Шемяку, «ходилъ къ Николѣ на Обнору и воротился Обнорою назадъ да Костромою вверхъ». Налѣво видѣнъ храмъ Вознесенія Господня, прежде бывшій Вознесенскій монастырь; за нимъ чуть мелькаетъ Никольская церковь на Высокомъ. Направо стоитъ храмъ того же Святителя въ селѣ Кодоровѣ. На правомъ берегу Обноры, сквозь мрачный лѣсъ проглядываетъ верхъ высокой колокольни села Парфеньева, лежащаго на пути къ Ярославлю. Далѣе на всемъ пространствѣ, испещренномъ горами, рощами и полянами, живописно раскинуты помѣщичьи усадьбы и привольныя селенія земледѣльцевъ. А за нѣсколько вѣковъ здѣсь были дебри непроходимыя! И все это воздѣлали неутомимыя руки людей Русскихъ, трудившихся всю жизнь въ потѣ лица своего! Мнѣ вспомнились слова покойнаго А. С. Хомякова:

И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? лишь былобъ терпѣнье,
Да сила, да воля, да Божье хотѣнье.

На скатѣ горы скрывается въ кустарникахъ колодезь, вырытый преп. Сильвестромъ, который и до сихъ поръ источаетъ струи чистой и прохладной воды. Богомольцы съ благоговѣйною вѣрою почерпаютъ и пьютъ ее.

Было и еще три колодца, ископанные тѣмъ же подвижникомъ въ «заповѣдной» его рощѣ, но они пришли въ запустѣніе и изсохли. Заповѣдная роща разстилается на сѣверъ отъ церкви; въ нее удалялся преп. Сильвестръ, когда стали стекаться къ нему богомольцы знатные и

простые. Здѣсь онъ совершалъ свои безмолвные подвиги и строго заповѣдалъ не рубить этой рощи. Въ 1645 году строитель Воскресенской обители іеромонахъ Іовъ пренебрегъ заповѣдь чудотворца и вздумалъ рубить рощу. За это онъ былъ наказанъ слѣпотою, отъ которой исцѣлился при гробѣ преп. Сильвестра. Съ того времени и донынѣ никто не смѣетъ срубить дерево въ заповѣдной рощѣ. Несмотря на то вѣковыхъ деревьевъ тамъ мало; сила времени истребила ихъ. Еще одинъ памятникъ земной жизни преп. Сильвестра, на западной сторонѣ отъ церкви, далѣе домовъ причта и прекрасной гостинницы устроенной для богомольцевъ,—часовня, поставленная на томъ мѣстѣ, куда чудотворецъ Сильвестръ выходилъ къ богомольцамъ изъ заповѣдной своей рощи. У этой часовни я простился съ почтеннымъ о Алексѣемъ и отправился въ дальнѣйшій путь, чтобы посѣтить мѣста подвиговъ преподобныхъ Павла Обнорскаго и Сергія Нуромскаго.

Путь лежалъ сначала по извилистой проселочной дорогѣ, потомъ по большой Архангельской, которая значительно улучшается, когда переѣдешь изъ Ярославской въ Вологодскую губернію. Мы проѣхали около 20 верстъ, но еще не видно было Павлообнорской обители. Вдругъ при спускѣ съ горы открылся предъ нами монастырь въ глубокой лощинѣ, сжатый со всѣхъ сторонъ отлогими горами. По срединѣ лощины протекаетъ рѣка Нурма. Она извивается около самыхъ стѣнъ монастырскихъ и далѣе въ 8-ми верстахъ сливается съ рѣкой Великушою, составляя вмѣстѣ съ нею рѣку Обнору, которая близъ города Любима впадаетъ въ рѣку Кострому. Съ вершины горы эта смиренная юдоль представляется весьма живописною: воды Нурмы собраны тутъ въ одинъ обширный прудъ; плотина и водяная мельница придаютъ мѣстности совершенно сельскій видъ, но самая обитель носитъ на себѣ отпечатокъ пустынный, мѣсто и теперь еще дико. Что же было тогда, когда эти горы покрыты были дремучими дубравами и населеніе въ окрестностяхъ монастыря было малолюдно? День склонялся къ вечеру. Внутри монастыря я не встрѣтилъ никого: вся почти братія вмѣстѣ съ настоятелемъ была на работѣ. Въ чистой и уютной комнатѣ монастыр-

ской гостиницы приняла меня старушка, астраханская урожденка; она ходила съ родины на богомолье къ Соловецкимъ чудотворцамъ. На обратномъ пути зашла она сюда и здѣсь усердно и безкорыстно служитъ богомольцамъ въ гостиницѣ. На утро я поклонился ракѣ мощей преп. Павла, почивающаго подъ спудомъ въ церкви, посвященной его имени. Образъ его древняго письма, лежащій на гробницѣ, украшенъ серебрянымъ басменнымъ окладомъ; на ракѣ издревле лежитъ мѣдный литой крестъ, длиною въ четверть аршина, тотъ самый, которымъ преп. Сергій Радонежскій благословилъ ученика своего Павла, когда отпускалъ его въ дремучіе лѣса сѣвера искать мѣсто для пустынножительства.

Одинъ изъ великихъ подвижниковъ XIV и XV в., преп. Павелъ родился въ Москвѣ въ 1317 году и въ ранней юности, отрекшись отъ міра, сдѣлался ученикомъ преп. Сергія. Онъ трудился нѣсколько времени въ обители Троицкой, потомъ въ сосѣдствѣ провелъ 15 лѣтъ въ отшельнической кельѣ, въ лѣсу, подъ надзоромъ своего дивнаго наставника; наконецъ, ища совершеннаго безмолвія, удалился на сѣверъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, прожилъ три года въ дикомъ лѣсу Комельскомъ надъ рѣчкою Грязовицею въ дуплѣ старой липы. Въ 1414 году уже въ глубокой старости основалъ онъ, съ благословенія св. митрополита Фотія, монастырь на берегу рѣки Нурмы. Здѣсь дивный подвижникъ достигъ глубокой старости—ста двѣнадцати лѣтъ, изъ которыхъ девяносто провелъ въ подвигахъ монашества. Блаженная кончина его послѣдовала 10 января 1429 г.

Прославленіе памяти преп. Павла чудесами отъ гроба его послѣдовало вскорѣ послѣ преставленія, а соборъ 1547 года причислилъ его къ лику святыхъ. Казанскіе Татары, за нѣсколько лѣтъ до паденія своего царства, сдѣлали послѣдній набѣгъ па сѣверный край Россіи; тогда многія пустынныя обители, и въ томъ числѣ Павловъ монастырь, были разорены огнемъ и мечемъ. Здѣсь всѣ зданія были обращены въ пепелъ и многіе старцы замучены и убиты варварами. Спустя восемь лѣтъ послѣ разоренія обители, при копаніи рвовъ для каменнаго храма надъ гробомъ преп. Павла, найденъ былъ гробъ блаженнаго

основателя обители, нисколько не повредившійся. Игуменъ Протасій хотѣлъ освидѣтельствовать мощи, но угодникъ Божій, явившись ему, строго запретилъ касаться гроба и съ угрозою повелѣлъ задѣлать его. Воздвигнутая тогда (въ 1548 г.) каменная двухъэтажная церковь, съ престоломъ въ честь преп. Павла внизу, гдѣ почиваютъ мощи его, а вверху—во имя наставника его преп. Сергія, примыкаетъ къ соборному Троицкому храму, построенному въ 1505 году, иждивеніемъ великаго князя Василія Іоанновича. Здѣсь былъ великолѣпный древній иконостасъ, блиставшій серебряными окладами на древнихъ иконахъ; но онъ за сто лѣтъ сдѣлался добычею пожара. Уцѣлѣли только двадцать пять образовъ, которые находятся теперь въ верхнихъ ярусахъ нынѣшняго иконостаса.

Въ обители сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ превосходнаго письма: небольшой образъ преп Павла, писанный еще при жизни его преп. Діонисіемъ Глушицкимъ; образъ Богоматери—Одигитріи, особенно чествуемый окрестными жителями; иконы святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Николая Чудотворца; всѣ онѣ украшены старинными серебряными окладами басменнаго дѣла.

Въ трапезѣ Павловской церкви хранится въ стеклянномъ футлярѣ остатокъ липоваго дупла, въ которомъ преп. Павелъ обиталъ три года по подобію пернатыхъ, вмѣстѣ съ ними славословя Отца Небеснаго въ необозримой дубравѣ. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на эту необычайную келью дивнаго отшельника; внутри дупла около четырехъ аршинъ въ окружности. Благоговѣйно облобызалъ я это священное древо и просилъ удѣлить мнѣ хотя малѣйшую отъ него частицу, какъ бы въ благословеніе отъ самого преп. Павла. Просьба моя была исполнена почтеннымъ настоятелемъ монастыря.

Никогда не забуду я тѣхъ не многихъ часовъ, въ которые удалось мнѣ насладиться духовною бесѣдою о. игумена Іоасафа. Онъ началъ свое монашеское поприще въ Саровской пустынѣ, былъ ученикомъ и келейникомъ блаж. старца Серафима и съ горячею любовію воспоминаетъ о своемъ наставникѣ, котораго подвиги изданы имъ въ свѣтъ. Онъ сообщилъ мнѣ копію съ писемъ къ нему

о. архимандрита Н..а, который въ молодости имѣлъ случай видѣть о. Серафима. Вотъ отрывокъ изъ этихъ писемъ.

«Еще въ молодости моей (пишетъ о. архимандритъ Н....ъ), предъ окончаніемъ семинарскаго курса въ 1827 году, я жилъ въ августѣ мѣсяцѣ, по приказанію старца Божія о Серафима, въ Саровской пустынѣ до трехъ недѣль, и въ теченіи этого времени неоднократно удостоенъ былъ келейной бесѣды о Серафима, въ коей онъ говорилъ мнѣ: зачѣмъ ты хочешь идти въ монахи? вѣроятно, ты гнушаешься бракомъ —Я на это отвѣчалъ: о св. таинствѣ брака я никогда не имѣлъ худыхъ мыслей; а желаю идти въ монахи съ тою цѣлію, чтобъ удобнѣе служить Господу. Послѣ сего старецъ сказалъ: «благословенъ путь твой! но смотри, напиши слѣдующія слова мои не на бумагѣ, а на сердцѣ:

1. Каждодневно выметай свою избу, да имѣй хороній вѣникъ. 2. Станови утромъ и вечеромъ самоваръ да грѣй воду, подкладывая углей: ибо горячая вода очищаетъ тѣло и душу (а). 3. Учись умной молитвѣ сердечной, какъ учатъ св. отцы въ Добротолюбіи: ибо Іисусова молитва есть свѣтильникъ стезямъ нашимъ и путеводная звѣзда къ небу. 4. Учись творить молитву чрезъ ноздряное дыханіе, съ сомкнутыми устами Это искусство есть бичъ противу плоти и плотскихъ похотѣній. 5. Къ обыкновенной Іисусовой молитвѣ прибавляй: «Богородицею помилуй мя.» 6. Одна молитва внѣшняя недостаточна: Богъ внемлетъ уму, а потому тѣ монахи, кои не соединяютъ внѣшнюю молитву съ внутренней, не монахи, а черныя головешки. 7. Бойся какъ геенскаго огня, галокъ намазанныхъ (суетныхъ женщинъ), ибо онѣ часто изъ воиновъ царскихъ дѣлаютъ рабами сатаны. 8. Помни, что истинная мантія монашеская есть радушное перенесеніе клеветы и напраслины: нѣтъ скорбей, нѣтъ и спасенія. Все дѣлай потихоньку и полегоньку и не вдругъ: добродѣтель не груша, ее вдругъ не съѣшь.

«Вотъ какой драгоцѣнный совѣтъ данъ мнѣ богодухновеннымъ старцемъ. Онъ для меня дороже всего на свѣ-

---

(а) Въ первомъ наставленіи идетъ рѣчь вѣроятно о самоиспытаніи, во второмъ о памяти смертной и слезахъ.

тѣ. Старца Божія наставленія я, недостойный, пріемлю наравнѣ съ наставленіями св. отецъ Аѳонскихъ и Синайскихъ. Не сказалъ бы я сего никому, но ваше письмо заставило открыть то, что старецъ напечатлѣлъ на сердцѣ моемъ, и что, по смерти его, остается неизгладимымъ въ душѣ моей».

«Во второй бесѣдѣ о. Серафимъ говорилъ мнѣ: я знаю твоего отца. Селеніе ваше и двѣ церкви съ колокольнями сгорятъ; а отцу твоему суждено выстроить новый каменный великолѣпный храмъ съ колокольнею, и съ двумя флигелями; къ западной сторонѣ будетъ флигель для бѣдныхъ; а послѣ вторичнаго пожара и ему самому придется въ одномъ изъ нихъ пожить.

«Все предреченіе старца Божія вполнѣ сбылось. Селеніе и церкви Божіи сгорѣли въ 1828 году, а въ 40 годахъ былъ вторичный пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ домъ родителя моего, протоіерея Конобѣевскаго, и онъ вынужденъ былъ долгое время проживать въ выстроенномъ имъ флигелѣ церковномъ.

«Да, у тебя есть двоюродный братъ»? спросилъ о. Серафимъ. Я отвѣчалъ: есть. «Онъ учится въ Академіи; онъ родился съ мѣшкомъ; онъ будетъ солить, да солить до самой своей смерти». Это его дорогое предсказаніе относилось къ преосвященнѣйшему Филарету Черниговскому.»

Выписываю еще другой назидательный отрывокъ изъ тѣхъже писемъ.

«Проживя три недѣли, я имѣлъ случай замѣтить въ о. Серафимѣ необычайный даръ прозорливости. Одинъ Нижегородскій чиновникъ, въ чинѣ генерала, съ семействомъ пріѣхалъ принять совѣтъ и благословеніе отъ старца. Нѣсколько разъ, бывши у двери, онъ не былъ впущенъ, несмотря на то, что семейство его было принято; а онъ самъ только чрезъ дверь слышалъ голосъ и слова о. Серафима: «меня дома нѣтъ; мнѣ не время.» Чиновникъ, удивляясь словамъ, и не понимая оныхъ, усердно желалъ разъясненія ихъ. Видя же, что я часто хожу къ нему, упросилъ меня идти съ нимъ вмѣстѣ, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафимъ отворилъ намъ дверь и принялъ чиновника радушно, и на его слова:

что я былъ пять разъ и не удостоился принять благословенія, о. Серафимъ сказалъ: вотъ почему я васъ не принялъ, а говорилъ съ вами чрезъ дверь: что ваши-то люди говорятъ приходящимъ къ вамъ по нуждамъ своимъ: барина дома нѣтъ, ему не время. Вѣдь этимъ отказомъ прогнѣвляя ближнихъ, вы прогнѣвляете самого Бога. Генералъ, принявъ наставленіе съ христіанскимъ смиреніемъ, поклонился ему въ ноги и обѣщался впредь никогда сего не допускать»

Мнѣ хотѣлось воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить бывшій Спаскій Нуромскій монастырь и поклониться гробницѣ блаженнаго основателя. Мнѣ казалось, что и въ молитвѣ не слѣдуетъ раздѣлять двухъ праведниковъ, тѣсно соединенныхъ святою любовію въ земной жизни. Преп. Сергій Нуромскій, родомъ Грекъ и постриженникъ Аѳонскій, пользовался наставленіями великаго Сергія Радонежскаго и основалъ свою обитель въ дубравѣ Комельской тогда, когда преп. Павелъ жилъ еще на берегу Грязовицы, въ дуплѣ липы. Въ послѣдствіи услышавъ, что недалеко отъ него появился новый подвижникъ, Сергій пошелъ навѣстить Павла и увидѣлъ, что стая лѣсныхъ птицъ вилась около чуднаго отшельника; мелкія пташки сидѣли на головѣ и на плечахъ старца, и онъ кормилъ ихъ изъ рукъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь; лисица и зайцы бѣгали вокругъ, не враждуя между собою и не боясь медвѣдя. Такъ въ лицѣ праведника возобновилось первобытное владычество человѣка, еще не согрѣшившаго, надъ созданною для него тварію! Съ того времени искренняя духовная любовь соединяла двухъ великихъ пустынножителей до блаженной ихъ кончины. Преп. Сергій былъ духовникомъ преп. Павла и подалъ ему совѣтъ къ основанію монастыря. Но между тѣмъ, какъ Павелъ, почти столѣтній старецъ, ходилъ къ митрополиту Фотію въ Москву за благословеніемъ и антиминсомъ для новаго храма, преп. Сергій преставился 7 октября 1412 года.

Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ меня молодой рясофорный монахъ Геннадій. Родомъ изъ зажиточнаго купеческаго семейства, онъ съ отроческихъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни и теперь усердно

трудится въ обители преп. Павла, подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни настоятеля. Выѣхавъ изъ Павлова монастыря сквозь старинныя ворота съ рѣзными вереями и шатровымъ верхомъ, мы увидѣли на другомъ берегу на горѣ двѣ древнія часовни. Одна изъ нихъ обозначаетъ собою мѣсто кельи, въ которой провелъ послѣднія лѣта своей жизни преп. Павелъ, когда по устроеніи обители онъ передалъ управленіе ею ученику своему Алексію, не согласившись по смиренію принять на себя ни священства, ни настоятельства. Другая часовня покрываетъ кладезь, ископанный старческими руками преп. Павла.

Малопроѣзжая извилистая дорога пролегаетъ по пригоркамъ и оврагамъ вверхъ по теченію рѣки Нурмы. Въ перелѣскѣ, не доѣзжая съ версту до села Нуромскаго (монастырь упраздненъ въ 1764 г.), спутникъ мой указалъ мнѣ уединенную часовню: на этомъ мѣстѣ разставались пустынножители, когда посѣщали другъ друга, потому что преп. Павелъ, какъ увѣряетъ преданіе, сохранившееся въ народѣ, имѣлъ обыкновеніе провожать духовника своего болѣе нежели на три четверти пути отъ своего монастыря.

Обширная ограда монастырская обозначаетъ теперь мѣсто обширнаго кладбища вокругъ приходской церкви. Храмъ въ два яруса весьма благолѣпный возвышается на скатѣ крутаго холма, а подъ нимъ Нурма живописно извивается по зеленой долинѣ. Прибрежныя высоты и теперь еще покрыты тѣнистыми рощами.

Въ нижнемъ храмѣ, посвященномъ преп. Сергію, рака съ изображеніемъ его прикрываетъ собою могилу старѣйшаго изъ пустынниковъ Вологодскихъ, который пришелъ съ дальняго востока, чтобъ освятить молитвою безлюдныя дебри и огласить дремучіе лѣса церковными пѣснями. Въ церкви сохранились двѣ старинныя иконы преп. Сергія: одна изъ нихъ весьма древняя, окружена изображеніями событій изъ жизни угодника Божія и чудесъ его. На другой иконѣ, писанной въ началѣ прошедшаго столѣтія, представленъ и самый монастырь въ томъ видѣ, какъ онъ тогда былъ

Отсюда предстоялъ мнѣ дальнѣйшій путь къ Вологдѣ.

Къ сожалѣнію, я, за темнотою ночи, не могъ посѣтить двухъ обителей, основанныхъ пустынножителями Иннокентіемъ и Арсеніемъ Комельскимъ. Первая изъ нихъ давно уже упразднена; первоначальникъ ея преп. Иннокентій сынъ боярина Охлѣбинина принялъ иночество въ обители Кирилла Бѣлозерскаго, потомъ вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ преп Ниломъ Сорскимъ долго странствовалъ на востокѣ и нѣсколько времени жилъ на Аѳонѣ. Съ востока возвратился онъ въ Бѣлозерскій монастырь, вскорѣ послѣдовалъ за преп. Ниломъ на рѣку Сору и здѣсь нѣсколько времени жилъ съ нимъ. Прозорливый старецъ, Нилъ, видя, что ученикъ его созрѣлъ для того, чтобы быть наставникомъ для другихъ и притомъ не въ скитской жизни, которую симъ рѣшился проводить, сказалъ Иннокентію: «иди на Пурму: тамъ будетъ у тебя общежитіе, а у меня здѣсь братія должны жить по одному въ келліяхъ.» Послушный ученикъ, погрузясь въ глубину Комельскаго лѣса, избралъ себѣ (въ 1491 году) мѣсто на рѣкѣ Едѣ, въ 10 верстахъ отъ Пурмы и въ 70 отъ Вологды; здѣсь не долго жилъ онъ одинъ, вскорѣ собралось къ нему духовное стадо, и онъ, построивъ храмъ во имя ангела пустыни Предтечи, основалъ общежительный монастырь. Предъ кончиною написалъ онъ духовное завѣщаніе братіи «Вотъ я убогій инокъ Иннокентій, такъ говорилъ рабъ Божій, написалъ это завѣщаніе для тѣхъ, кому Богъ повелитъ жить въ нашей пустынѣ. Прежде всего молю васъ, Господа ради, поминайте меня грѣшнаго во святыхъ молитвахъ вашихъ; объ этомъ кланяюсь до земли вамъ, отцы и братія.—Завѣщаю и то, чтобы не было между вами никакой вражды, а была бы любовь во Христѣ и миръ духовный. Юныхъ и безбородыхъ иноковъ не принимать, и не постригать здѣсь таковыхъ. Пьянственнаго житія отнюдь не слѣдуетъ намъ имѣть. О томъ, какъ въ пустынѣ нашей должно быть на молитвѣ, какъ питаться, когда выходить на рукодѣліе и работу, о всемъ подобномъ установлено въ писаніи господина учителя моего старца Нила.—Тамъ найдете все благоугодное Богу.»

Другой монастырь въ Грязовецкомъ уѣздѣ и теперь еще существующій, основанъ въ 1530 году преп. Арсе-

ніемъ Комельскимъ, изъ рода дворянъ Сухарусовыхъ. Онъ былъ игуменомъ Сергіевой Лавры, въ которой началъ свои иноческіе подвиги; но, томимый жаждою безмолвія, оставилъ настоятельство въ богатой и многолюдной обители, удалился въ Комельскій лѣсъ и нашелъ себѣ мѣсто въ непроходимой глуши близь рѣчекъ Кохтыжа и Лежи. Оттуда прогнали отшельника крестьяне, приходившіе въ лѣсъ то для рубки, то для звѣриной ловли. Онъ перешелъ оттуда въ Шилегонскій лѣсъ на берегъ рѣки Шиленги и ручья Ингоря и здѣсь положилъ основаніе общежительной обители, а самъ возвратился снова на прежнее мѣсто, гдѣ на этотъ разъ тревожили его уже не люди, усмиренные грамотою великаго князя Василія, а дикіе звѣри; молитвою своею онъ смирилъ ихъ и медвѣдь уступилъ берлогу свою отшельнику. Преп. Арсеній не забывалъ и Шилегонской своей пустыни. По временамъ онъ посѣщалъ ее На пути изъ одной пустыни въ другую онъ имѣлъ обычай бесѣдовать съ встрѣчающимися съ нимъ о спасеніи души, останавливаясь въ селеніяхъ, назидалъ простыхъ людей словомъ спасительнымъ. Если замѣчалъ, что кто либо трудится въ полѣ въ праздники, или въ день воскресный, онъ строго обличалъ за то. Разъ поселяне ослушались его,—не перестали косить хлѣбъ въ праздникъ, и внезапно поднявшійся вѣтеръ разметалъ всѣ снопы ихъ. Проведя долгую иноческую жизнь въ постѣ, молитвѣ и непрестанныхъ трудахъ, старецъ предъ кончиною своею пріобщился св. Таинъ и мирно предалъ духъ свой Господу, 24 августа 1550 г.

Рано утромъ увидѣлъ я издали зубчатыя стѣны Корниліева Комельскаго монастыря. При поворотѣ къ нему съ большой дороги—часовня съ ликами чудотворцевъ Вологодскихъ, и тутъ же приготовлена свѣжая вода для путниковъ. Почти подъ самыми стѣнами многоглавой обители нужно было опять переѣхать р. Нурму, въ которую впадаетъ здѣсь у подножія сѣверо-восточной башни небольшая рѣчка Талица. Мѣстность дикая, но пріятная: съ сѣверной стороны разстилается, на мѣстѣ высохшаго пруда, обширный и прекрасный лугъ; къ югу отъ монастыря

холмы усѣяны селеніями; къ востоку синѣютъ дремучіе лѣса, остатки непроходимыхъ дебрей комельскихъ.

Основатель монастыря преп. Корнилій, уроженецъ Ростова, колыбели столь многихъ великихъ мужей Русской Церкви, происходилъ изъ боярскаго рода Крюковыхъ. Родной дядя его Лукіанъ Крюковъ служилъ при дворѣ супруги Темнаго великой княгини Маріи. Удаляясь отъ двора въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла, онъ взялъ съ собою и сироту—племянника. Здѣсь Корнилій принялъ иноческое постриженіе, будучи 12 лѣтъ отъ роду, и неутомимо трудился въ хлѣбнѣ, а въ свободное отъ послушанія время любилъ списывать книги. Спустя нѣсколько лѣтъ Корнилій отправился странствовать, былъ въ Новгородѣ у великаго ревнителя православія, блаж. владыки Геннадія, который желалъ, но не могъ удержать его при себѣ, провелъ нѣсколько времени въ Тверской Савватіевой пустынѣ и наконецъ перешелъ въ Комельскій лѣсъ и поселился въ 45 верстахъ отъ Вологды въ оставленной разбойниками хижинѣ, на мѣстѣ которой возвышается теперь благолѣпная обитель.

Четыре года подвизался онъ безмолвно, терпя тяжкія озлобленія отъ злыхъ людей; потомъ когда стали стекаться къ нему любители безмолвія, поставилъ храмъ въ честь Введенія Богоматери, принялъ рукоположеніе священства (въ 1501 году) и былъ первымъ игуменомъ основанной имъ обители. Въ постоянное руководство для своей братіи далъ онъ письменный уставъ, сохранившійся донынѣ въ спискахъ; для больныхъ и странниковъ поставилъ странопріемные домы. Во время сильнаго голода, посѣтившаго страну Вологодскую, онъ явился отцемъ и кормильцемъ всѣхъ бѣдствующихъ. Преп. Корнилій преставился 82 лѣтъ, 19 мая 1537 года; преемникомъ его въ управленіи монастыремъ былъ ученикъ его Лаврентій «подвижникъ, постникъ и молитвенникъ,» какъ сказано въ житіи его наставника.

Другіе ученики Комельскаго пустынножителя были распространителями иночества въ сѣверномъ краю русской земли. Такъ преп. Кириллъ основалъ общежительную обитель на Красномъ островѣ новаго озера въ Бѣлозерскомъ краѣ. Преп. Филиппъ Ирабскій собралъ пустынную

братію въ 45 верстахъ отъ Череповца въ Ирабской волости благочестиваго князя Андрея Шелешпанскаго. Преп. Иродіонъ Илоезерскій и преп, Даніилъ Шушгорскій соорудили монастыри въ Бѣлозерской странѣ. Преп. Симонъ Сойгинскій былъ первоначальникомъ Спасской обители въ Сольвычегодскомъ краѣ, на устьѣ р. Сойги, впадающей въ Вычегду. Преп. Геннадій Любимскій послѣдовалъ за наставникомъ своимъ преп Корниліемъ въ костромскіе лѣса на Сурское озеро. Тамъ жили они отшельниками, пахали землю и рубили лѣсъ. Когда Корнилій возвратился въ свой монастырь, Геннадій остался на Сурскомъ озерѣ; тамъ процвѣтаетъ теперь извѣстная обитель Геннадіева—предметъ особеннаго благоговѣнія Костромскихъ жителей. Вотъ сколько разсадниковъ благочестія возникло изъ пустыни Комельской!

Мощи преп. Корнилія почиваютъ подъ спудомъ въ аркѣ между церковью, посвященною его имени и южною частію алтаря соборнаго Введенскаго храма, воздвигнутаго во второй половинѣ XVI столѣтія, на мѣстѣ той первоначальной церкви, которая, какъ говоритъ жизнеописатель преподобнаго, сооружена была «помощію Богородицы, молитвами старца Корнилія, трудами учениковъ его, паче же постомъ и слезами.» На ракѣ лежитъ изображеніе преп. Корилія, древняго письма, покрытое богатою ризою. Тутъ же хранится фелонь его бѣлая съ краснымъ камчатнымъ оплечьемъ, весьма ветхая, и часть его власяницы. Особенно замѣчательна древняя икона Богородицы, точный списокъ съ Владимірскаго чудотворнаго образа, находящагося въ Москвѣ; она весьма богато украшена и ежегодно приносится на нѣсколько дней въ сосѣдній городъ Грязовецъ, прежнюю вотчину монастыря. Туда же носится и древній образъ преп. Корнилія, стоящій въ томъ же храмѣ, окруженный изображеніями сорока четырехъ чудесъ угодника Божія. Чудеса, какъ благодатная помощь великаго чудотворца, не оскудѣваютъ и донынѣ: 19 мая 1861 года 12-лѣтняя Евгенія, дочь живущаго въ Вологдѣ отставнаго чиновника Кубеницкаго, пропала изъ дома родительскаго; много было горя въ семьѣ, напрасно искали пропавшую дѣвочку; наконецъ обратились къ молитвѣ. Уже поздно вечеромъ сосѣдъ мѣщанинъ при-

везъ въ своей тележкѣ Евгенію, блѣдную и измученную. Онъ нашелъ ее за 25 верстъ отъ Грязовца на большой дорогѣ, за рѣкою Комелою, которую переѣзжаютъ на паромѣ. Уже на другой день, отдохнувши, дѣвочка могла сказать, что она ушла изъ дому въ лѣсъ, запуталась тамъ, много плакала и кричала, наконецъ стала взывать о помощи къ преп. Корнилію. Вдругъ она увидѣла, что къ ней подходитъ сѣдовласый монахъ съ золотымъ крестомъ на груди. Онъ далъ ей просфору и велѣлъ ей съѣсть, потомъ сказалъ: иди прямо направо, тутъ будетъ тебѣ попутчикъ. Скоро встрѣтила она сосѣда. Замѣчательно особенно то, что дѣвочка, какъ она настойчиво увѣряла, нигдѣ не переходила рѣки. Это чудное событіе слышалъ я отъ монаховъ Корниліева монастыря.

Въ монастырѣ есть еще нѣсколько храмовъ: теплый Вoскресенскій, св Александра Невскаго и св. Николая чудотворца надъ воротами. Въ этихъ церквахъ сохранилось немало древнихъ иконъ.

Въ ризницѣ хранится ставленная грамота преп. Корнилія съ подписью и печатью митрополита Симона; житіе со службою преп. Корнилія полууставнаго письма конца XVI в ; старинный синодикъ съ нѣкоторыми свѣденіями объ исторіи монастыря и спискомъ настоятелей. Замѣчателенъ напрестольный крестъ обложенный серебромъ превосходной сканной работы, вкладъ царя Бориса въ 1604 году въ память по сестрѣ его, царицѣ инокинѣ Александрѣ (Иринѣ, вдовѣ царя Θеодора Іоанновича). Близь монастыря находится колодезь минеральныхъ водъ, разыщенный въ 1765 году, при немъ устроены котелъ и ванны для нагрѣванія воды, которая оказывается особенно полезною для страждущихъ золотухою и скорбутомъ. Отъ Корниліева монастыря, по прекрасной гладкой дорогѣ прибылъ я къ вечеру въ Вологду; отсюда пишу къ вамъ, В. П., это первое письмо, которое неожиданно сдѣлалось толстою тетрадью.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Солнце было близко къ закату, когда я подъѣхалъ къ Вологдѣ. Еще издали городъ представляется живописнымъ, въ обширной долинѣ на берегу соименной ему рѣки, увѣнчанный множествомъ храмовъ.

Большая часть Вологодской страны въ древности принадлежала Великому Новгороду, какъ видно по грамотамъ; остальная, меньшая часть ея — составляла удѣлъ князей Ростовскихъ. Вологда — городъ древній, — здѣсь Димитрій Донской посѣщалъ знаменитаго подвижника преп. Димитрія Прилуцкаго. Вскорѣ потомъ Вологда перешла изъ владѣнія князей Ростовскихъ въ наслѣдіе потомковъ Донскаго. Одинъ изъ нихъ, несчастный слѣпецъ Василій, получилъ въ удѣлъ Вологду, когда нечестивый Шемяка отнялъ у него великое княженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ бы по примѣру Василія Темнаго, Вологда сдѣлалась мѣстомъ изгнанія для именитыхъ князей и бояръ. Со времени Іоанна IV, она значительно возвысилась, украсилась храмами и сдѣлалась важнымъ торговымъ городомъ, чему особенно способствовало развитіе торговли съ Англіей чрезъ Архангельскій портъ, хотя и прежде была средоточіемъ сообщеній между Новгородомъ, Бѣлозерскимъ и сѣвернымъ Поморьемъ. Самъ Грозный царь два года прожилъ въ Вологдѣ, построилъ соборный храмъ, хотѣлъ оградить городъ каменными стѣнами, но оставилъ это намѣреніе неисполненнымъ.

Со времень Петра I, когда европейская торговля обратилась къ новой столицѣ русской на берегахъ Невы, торговое значеніе Вологды уничтожилось; она осталась по прежнему страною изгнанія. Но и при нынѣшнемъ своемъ положеніи, Вологда отличается такою особенностію, которая можетъ служить примѣромъ для многихъ городовъ

русскихъ: твердою привязанностію къ православной вѣрѣ и горячимъ усердіемъ къ мѣстнымъ святынямъ.

Прежде всего спѣшилъ я познакомиться съ преподавателемъ здѣшней семинаріи Н. И. Суворовымъ, извѣстнымъ знатокомъ мѣстныхъ древностей и однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ редакціи Вологодскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей. До сихъ поръ я не имѣлъ чести быть ему лично извѣстнымъ, но давно былъ знакомъ съ обширными его трудами. Къ сожалѣнію я не засталъ его дома; онъ находился въ семинаріи при испытаніи учениковъ, которое производилось здѣсь ежедневно передъ лѣтней вакаціей. На другое утро почтенный Н. И. посѣтилъ меня. Мы вмѣстѣ отправились въ каѳедральный Софійскій соборъ. Въ 1566 г., когда Грозный царь по видимому хотѣлъ поселиться въ Вологдѣ и заложилъ тамъ каменную крѣпость, онъ рѣшился воздвигнуть въ ней каѳедральный соборъ. Постройка производилась съ удивительною заботливостію, о какой теперь и не думаютъ, а именно: все построенное въ теченіе дня закрывалось на ночь лубками въ предохраненіе отъ сырости и другихъ атмосферическихъ перемѣнъ. Но воздвигнутый съ такою заботливостію соборъ, по одному случайному обстоятельству, едва не подвергся разрушенію. По разсказу мѣстнаго лѣтописца, Іоаннъ взошелъ въ соборъ по окончаніи постройки. Вдругъ что-то оторвалось отъ свода и упало на голову государю. Грозный царь разгнѣвался, велѣлъ было ломать церковь до основанія и едва склонился на милость. Впрочемъ, до смерти его, храмъ оставался не отдѣланнымъ и не освященнымъ, какъ бы подъ опалою.

Соборъ, построенный по образцу Московскаго Успенскаго и почти въ тѣхъ же размѣрахъ, отличается необыкновенною прочностію; въ теченіи трехъ вѣковъ со времени основанія въ стѣнахъ его не замѣтно никакихъ поврежденій. Но къ сожалѣнію онъ весьма сыръ, такъ что богослуженіе въ немъ производится только во время лѣтнихъ жаровъ. Алтарь не представляетъ никакихъ особенностей; придѣлъ Усѣкновенія главы Предтечи, бывшій

въ южномъ отдѣленіи его и напоминавшій собою тезоименитство храмоздателя царя Іоанна, въ недавнее время упраздненъ. Пяти-ярусный иконостасъ, устроенный около 1744 года, возвышается до самыхъ сводовъ. Иконы трехъ верхнихъ рядовъ современны построенію иконостаса и писаны, какъ увѣряетъ преданіе, какимъ-то живописцемъ Грекомъ, сосланнымъ въ Вологду; пошибъ ихъ переходный отъ греческой иконописи къ такъ называемому фряжскому письму. Иконы втораго ряда принадлежатъ Устюжской школѣ; въ нижнемъ ряду или на поклонѣ, иконы большею частію древнія. Между ними особенно замѣчательны: мѣстный образъ Всемилостиваго Спаса съ припадающими къ нему чудотворцами, сошествіе во адъ, храмовый Успенія Богородицы и Софіи премудрости Божіей; послѣдній есть вѣрный списокъ съ св. Софіи Новгородской.

Наиболѣе чтимая мѣстными жителями святыня въ Софійскомъ соборѣ — чудотворная икона Богоматери „всѣхъ скорбящихъ радости", прославленная въ 1760 году, въ 12 верстахъ отъ Вологды при Богоявленской церкви, что на Лостѣ. Тамъ, по особенному видѣнію во снѣ, отыскала её больная крестьянка Христина Галактіонова и получила изцѣленіе отъ своей болѣзни. Вскорѣ, тамъ же на Лостѣ послѣдовало еще нѣсколько исцѣленій, въ томъ числѣ жены надворнаго совѣтника Опочинина, одержимой горячкой. По распоряженію преосв. Іосифа, по прозванію золотаго, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, икона взята была въ соборъ и составленъ былъ особый комитетъ для освидѣтельствованія подлинности чудесъ. Такимъ образомъ удостовѣрено 59 благодатныхъ исцѣленій и сверхъ того до 30 чудесъ, совершившихся послѣ перенесенія образа въ Вологду, записано въ рукописи, сохраняемой въ соборной ризницѣ. Образъ (въ 6 вер. вышины и 5 ширины) покрытъ сплошною жемчужною ризою съ множествомъ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней.

Чудотворная икона носится въ крестные ходы и въ домы жителей; каждую среду и пятницу послѣ литургіи

совершается предъ нею молебенъ съ акаѳистомъ, а 24 октября, въ день ея праздника, установленъ издавна ежегодный крестный ходъ въ соборъ изъ Спасо-обыденной церкви.

Иконописаніе на стѣнахъ собора произведено въ 1686 — 1688 гг. ярославскимъ иконописцемъ Дмитріемъ Плехановымъ; отъ сырости оно значительно потускнѣло. Надъ архіерейскимъ облачальнымъ амвономъ, въ срединѣ свода еще примѣтно то мѣсто, изъ котораго какъ упалъ будто бы обломокъ кирпича или извести, при осмотрѣ собора Грознымъ царемъ. Это мѣсто, конечно не безъ намѣренія, донынѣ остается незадѣланнымъ.

Вдоль сѣверной и южной стѣны храма погребены въ каменныхъ склепахъ 12 архипастырей, управлявшихъ Вологодскою епархіею. Рядъ гробницъ ихъ начинается, по времени погребенія, отъ сѣверной двери собора; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: 1) Кипріанъ рукоположеный въ 1547 г.; гробъ его перенесенъ сюда изъ деревянной соборной церкви, стоявшей возлѣ такъ называемаго „Лѣниваго торга.“ 2) Антоній, мѣстно почитаемый святымъ, посвященъ въ 1586 году изъ игуменовъ Дорогобужскаго Болдина монастыря и архипастырствовалъ только два года. Житіе его неизвѣстно, но въ рукописной полууставной книгѣ: „Житія Вологодскихъ чудотворцевъ“, хранящейся въ соборѣ, сказано, что „отъ честнаго его гроба вѣрные изцѣленіе пріемлютъ и донынѣ всякимъ недугомъ одержимые молитвами святителя“. И теперь еще часто приходятъ служить панихиды надъ гробницею блаж. Антонія, на которой лежитъ дска съ его изображеніемъ. Отъ прежняго времени сохранились тропарь и кондакъ святителю. 3) Гавріилъ, при которомъ совершено соборное стѣнописаніе. 4) Павелъ I-й, духовникъ императора Петра I и крестный отецъ императрицы Елизаветы Петровны. 5) Іосифъ, по прозванію Золотой, строитель теплаго Воскресенскаго собора и нынѣшняго трехъэтажнаго архіерейскаго дома. 6) Ириней Братановичъ, извѣстный въ свое время пропо-

вѣдникъ, скончавшійся въ 1796 году; при немъ открытъ въ здѣшней семинаріи полный курсъ наукъ.

Подлѣ каѳедральнаго Софійскаго собора стоитъ зимній соборъ Воскресенскій, итальянской архитектуры, съ весьма красивымъ, отлогимъ, превосходно росписаннымъ куполомъ. Онъ оконченъ постройкою въ 1776, украшенъ и росписанъ въ 1833 году. Здѣсь особенно замѣчательна древняя икона пресв. Троицы съ надписью на Зырянскомъ языкѣ, отысканная въ 1788 году въ церкви Выжемской волости, въ 40 верст. отъ г. Яренска. Зырянская надпись, надъ каждымъ изъ трехъ ангеловъ, надъ Авраамомъ и Саррою, и внизу иконъ въ шести строкахъ еще не разобрана.

Отъ собора открывается входъ сквозь величественныя св. врата къ архіерейскому дому, прекрасному зданію во вкусѣ архитектуры Елисаветинскаго времени, окруженному высокими стѣнами съ рѣдкими, узкими оконцами, стрѣльницами и вышками. Я поспѣшилъ туда, чтобы принять архипастырское благословеніе преосв. епископа Павла. Желалъ бы я передать вамъ то впечатлѣніе, которое произвела на меня въ высшей степени симпатическая личность Вологодскаго архипастыря. Но трудно говорить о живыхъ людяхъ и не сказать лишняго. Еще труднѣе писать о лицѣ высокопоставленномъ, внушающемъ благоговѣйное уваженіе, и писать такъ, чтобы написанное не показалось лестію... Преосв. Павелъ еще менѣе года управляетъ епархіей: онъ хиротонисанъ изъ ректоровъ Вятской семинаріи (14 сентября 1866 года) и прежде того имѣлъ нелегкія испытанія на пути жизни. Первая служба его, по окончаніи академическаго курса, была въ томъ краю, куда православные пастыри и наставники посылаются „какъ овцы въ средину волковъ“ (Матѳ. X. 16.). Тамъ онъ ознакомился съ хитростями ксендзовъ и имѣлъ случай пріобрѣсть нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ документовъ въ то время, когда уніатскіе монахи, покидая монастыри, умышленно распродавали или бросали старинныя бумаги. Такъ пріобрѣлъ онъ подлинный актъ, еще неизвѣстнаго нашимъ историкамъ, Брестскаго собора, быв-

шаго 26 октября 1591 года, писанный въ православномъ духѣ, за подписями и печатями митрополита Михаила Рогозы, Кирилла Торлецкаго, Гедеона Балобана и другихъ епископовъ, листы съ подписью знаменитаго поборника православія, князя Константина Острожскаго, актъ причисленія къ лику блаженныхъ Римской церкви (beatificatio) извѣстнаго изувѣра и злодѣя Іоасафата Кунцевича, и нѣсколько книгъ старинной Краковской и Виленской печати. Тамъ же въ Литвѣ онъ вступилъ въ бракъ, но только три года наслаждался семейнымъ счастіемъ: лишившись супруги, онъ рѣшился принять монашество. Какъ бы предчувствуя свойства служенія преосв. Павла, одинъ изъ знаменитыхъ современныхъ проповѣдниковъ, протоіерей каѳедральнаго Софійскаго собора В. И. Нордовъ, въ привѣтственной рѣчи новому Владыкѣ, назвалъ его „Ангеломъ мирнымъ, богоизбраннымъ, богодарованнымъ, приносящимъ миръ Христовъ церкви Вологодской, которая, по благодати Божіей, самостоятельно существуетъ уже почти четыре вѣка, которая нерушимо соблюдаетъ православіе и вся, можно сказать, чиста и свободна отъ всякихъ лжеученій иновѣрческихъ и раскола, которая украшается множествомъ святыхъ обителей иноческихъ и православныхъ храмовъ Божіихъ, въ которой обильно текутъ источники духовныхъ дарованій и чудесъ отъ многочисленныхъ мощей святыхъ угодниковъ, открыто прославленныхъ отъ Бога, и тайно прославляемыхъ Богомъ.“ Вдовы и сироты молятъ Бога за милостиваго архипастыря, который, самъ испытавъ горесть вдовства, принимаетъ живое участіе въ горестной ихъ участи. Всѣмъ и во всякое время открытъ доступъ къ общему отцу, котораго любятъ и почитаютъ всѣ сословія города. Мнѣ случилось слышать, какъ простолюдины съ восхищеніемъ говорятъ о глубоко-прочувствованной, живой и всѣмъ понятной рѣчи, которую произнесъ преосв. Павелъ предъ началомъ благодарственнаго молебствія о спасеніи жизни Государя. Молебствіе совершено было 28 мая нынѣшняго года на городской площади и повторено въ Спасообыденной всеградской церкви.

Этотъ замѣчательный храмъ воздвигнутъ первоначально въ 1655 году при державѣ царя Алексѣя Михайловича, когда во многихъ мѣстахъ русской земли свирѣпствовала страшная моровая язва. Съ 1-го сентября язва открылась въ Вологдѣ и ея окрестностяхъ и въ продолженіе семи недѣль истребляла такое множество людей всякаго возраста, пола и состоянія, что священники едва успѣвали погребать мертвыхъ. Дѣйствія ея были внезапны и быстры: шелъ ли кто, стоялъ ли, сидѣлъ ли въ своемъ домѣ, вдругъ падалъ и вскорѣ умиралъ. Отходившіе вечеромъ ко сну здоровыми, на утро оказывались мертвыми. Ужасъ и уныніе овладѣли гражданами: прекратились обычныя житейскія занятія; торжище опустѣло; никто не занимался куплею и продажею, кромѣ самаго необходимаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились обычные въ другое время безпорядки: всѣ постились, всѣ молились, наполняя храмы Божіи съ утра до вечера. Но ничто не помогало: язва продолжала свирѣпствовать. Вдругъ, по внушенію свыше, пришла на сердце гражданамъ мысль — воздвигнуть, для утоленія гнѣвя Божія, въ одинъ день храмъ Богу — Спасителю. Быстро распространилась эта мысль по городу и окрестностямъ его; всѣ единодушно изъявили желаніе — какъ можно скорѣе привести ее въ исполненіе. День 18 октября, въ который церковь совершаетъ память св. апостола и евангелиста Луки, былъ назначенъ для построенія обѣтнаго храма. Въ глубокую ночь подъ этотъ день приступили къ дѣлу — и трогательное зрѣлище открылось тогда въ Вологдѣ. Тысячи гражданъ и собравшихся жителей окрестныхъ селеній наперерывъ спѣшили чѣмъ либо принять участіе въ благочестивомъ подвигѣ: одни несли бревна для построенія, другіе приготовляли ихъ къ строенію, третьи воздвигали строеніе; иные по причинѣ темноты осенней ночи, зажигая свѣточи, свѣтили трудящимся; остальные, не имѣя занятій, молитвою сопровождали дѣйствія другихъ. Утромъ работа была окончена. Иконы и вся нужная утварь были принесены изъ другихъ церквей города. Получивъ вѣсть о совершеніи храма, самъ

тогдашній Владыка Вологды, архіепископъ Маркеллъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ прибылъ и освятилъ его во имя Всемилостиваго Спаса. Уже день склонялся къ вечеру, когда богослуженіе, съ сопровождавшимъ его умилостивительнымъ молебнымъ пѣніемъ, окончилось, и граждане съ радостію и надеждою вышли изъ храма... Но благочестивое усердіе ихъ тѣмъ не кончилось: чтобъ оставить новосозданный храмъ для потомковъ всегдашнимъ, въ роды родовъ, памятникомъ страшнаго посѣщенія Божія и искренняго своего покаянія, они въ тотъ же день написали общественный обѣтный приговоръ, обезпечивающій навсегда существованіе и благосостояніе Спасской церкви, и, въ знакъ неизмѣнности своего обѣта, отнесли и положили этотъ приговоръ въ соборный Софійскій храмъ, гдѣ онъ и теперь хранится въ ризницѣ. Такія дѣйствія вѣры и покаянія не могли не призвать благословенія свыше: и дѣйствительно, съ самаго основанія и во все время построенія храма, во всю ночь и во весь день 18 октября, никто изъ жителей не заразился язвою и съ того дня болѣзнь потеряла свою силу. Въ четвертый послѣ того день, на 23 октября, на память св. апостола Іакова брата Господня, одинъ благочестивый иконописецъ, по прозванію Сумароковъ, обыденно написалъ въ обѣтную церковь икону Всемилостиваго Спаса, которая и составляетъ нынѣ главнѣйшую ея драгоцѣнность. Къ написанію иконы Сумароковъ приготовлялъ себя постомъ, молитвою и причащеніемъ св. Таинъ; онъ изобразилъ божественный ликъ Спасителя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ сподобился видѣть Его во снѣ.

Такъ всеградскій Вологодскій храмъ есть умилительный памятникъ годины печальной и вмѣстѣ радостной для Вологжанъ, годины гнѣва и милосердія Божія: потому онъ и служитъ для нихъ предметомъ особеннаго благоговѣнія, всегдашнимъ прибѣжищемъ во всѣхъ печаляхъ и радостяхъ!

Первоначальный деревянный храмъ былъ не обширенъ: въ 9 арш. длины и 8 ширины, какъ видно изъ основныхъ бревенъ, найденныхъ при передѣлкѣ помоста нынѣшней

каменной церкви, построенной въ 1698 году и великолѣпно украшенной усердіемъ гражданъ въ недавнее время. Въ превосходной стѣнной живописи, покрывающей стѣны ея, особенно замѣчательны изображенія, напоминающія исторію храма: на одномъ изъ нихъ представлены губительныя дѣйствія язвы — множество больныхъ и мертвыхъ, лежащихъ на улицахъ города, и выносимыхъ для погребенія за городъ; на другомъ — начало построенія обыденной церкви ночью, при общемъ участіи гражданъ; на третьемъ окончаніе язвы, изображенное въ радости колѣнопреклонныхъ жителей Вологды, взирающихъ на новосозданный и новоосвященный обѣтный храмъ.

Главная святыня Спасообыденной церкви — икона Спасителя древняго письма, написанная на липовой дскѣ въ 6 вер. длиною и 5 шириною. Спаситель изображенъ стоящимъ; десницею Онъ указуетъ внизъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ Евангеліе, разгнутое на словахъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы". Выразительныя черты Божественнаго лика, дышатъ кротостію и милосердіемъ. Усердіемъ гражданъ икона богато украшена; риза на ней изъ червоннаго золота, вычеканена по рисунку извѣстнаго художника Солнцева и усыпана крупнымъ жемчугомъ, бриллiянтами и другими драгоцѣнными каменьями.

Эта икона издревле называется и почитается чудотворною. Благодатная сила ея свидѣтельствуется необыкновенною вѣрою и горячимъ усердіемъ жителей Вологды: каждый день передъ нею слышатся молебствія, совершаемыя гражданами во всѣхъ важныхъ случаяхъ и особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Часто она переносится въ самые домы обывателей, даже загородные; а во многихъ благочестивыхъ семействахъ сохраняется обычай, свято наблюдаемый, непремѣнно разъ въ годъ приносить въ свой домъ икону Всемилостиваго Спаса. Въ честь этой иконы издревле установленъ ежегодный крестный ходъ изъ каѳедральнаго собора въ Спасскую церковь въ день праздника освященія храма 18 октября; она уча-

ствуетъ и во всѣхъ крестныхъ ходахъ, бывающихъ въ Вологдѣ. Во многихъ семействахъ доселѣ сохранился древній благочестивый обычай — за недѣлю до 18 октября, въ память бывшаго нѣкогда страшнаго посѣщенія Божія, соблюдать строгій постъ, а наканунѣ этого дня послѣ продолжительной вечерней службы, проводить всю ночь безъ сна во всеградской церкви, гдѣ въ это время читается пространное „Сказаніе о милости Божіей и созданіи храма Спасова во градѣ Вологдѣ, во избавленіе отъ смертоносныя язвы“. Это рукописное сказаніе хранится въ библіотекѣ всеградской церкви и напечатано въ №№ 20—21 Вологод. епарх. вѣдомостей 1866 года.

Ректоръ семинаріи и настоятель Спасо-Прилуцкаго монастыря, почтенный о. архимандритъ Павелъ, захотѣлъ самъ показать мнѣ достопамятности этой знаменитой обители, основанной въ 1371 г. преп. Димитріемъ Прилуцкимъ, современникомъ Димитрія Донскаго и другомъ великаго Сергія Радонежскаго. Раздавался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ, когда мы подъѣхали къ высокимъ стѣнамъ обители, подъ которыми красиво извивается рѣка Вологда. Вѣроятно отъ изгибовъ или излучинъ рѣки и самая мѣстность прозвана Прилуками. Литургія совершалась въ верхнемъ соборномъ храмѣ: *происхожденія честныхъ древъ*, построенномъ въ 1537 году, а въ недавнее время отдѣланномъ заново и прекрасно расписанномъ кистью художника Волкова, весьма свѣтломъ и благолѣпномъ. Здѣсь находится небольшая (1½ арш. вышины и 1 арш. ширины), но прославленная многими чудотвореніями икона преп. Димитрія — произведеніе кисти другаго угодника Божія, преп. Діонисія, Глушицкаго чудотворца. Какъ урожденецъ города Вологды и постриженникъ Спасо-каменнаго монастыря, Діонисій могъ лично знать Димитрія. На иконѣ чудотворецъ представленъ въ иноческой мантіи и епитрахили, съ головою непокрытою; выраженіе благообразнаго лика строгое и величественно спокойное; персты правой руки сложены для благословенія именословнаго. Образъ окруженъ 16-ю четвероугольниками, въ ко-

торыхъ изображены разныя событія и чудеса изъ жизни преп. Димитрія. Самый образъ покрытъ ризою новѣйшей работы, но на поляхъ его сохранился старинный басменный окладъ. Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ въ 1503 году бралъ эту икону съ собою въ первый походъ на Казань. Смиривъ гордость казанскихъ Татаръ и принудивъ ихъ платить дань, державный властитель украсилъ икону и возвратилъ ее въ монастырь, гдѣ она была торжественно встрѣчена 3 іюня. Съ того времени, въ этотъ день, установленъ праздникъ „Срѣтенія образа преп. Димитрія", который и теперь ежегодно совершается съ крестнымъ ходомъ изъ городскаго Софійскаго собора, въ сопровожденіи многихъ тысячъ народа. Благочестивые граждане Вологды, свято соблюдающіе добрые обычаи предковъ, считаютъ непремѣннымъ и священнымъ для себя долгомъ каждогодно, несмотря ни на какую погоду, сопровождать этотъ крестный ходъ впередъ и обратно, въ твердой надеждѣ стяжать себѣ этимъ подвигомъ на весь послѣдующій годъ благословеніе и заступленіе отъ преп. Димитрія.

Подъ Спасскимъ соборомъ въ нижней церкви преп. Димитрія почиваютъ подъ спудомъ мощи его. Прилуцкій чудотворецъ былъ родомъ изъ Переславля-Залѣсскаго, изъ зажиточнаго купеческаго семейства, но въ ранней юности оставилъ домъ родительскій, чтобы служить Господу. Постриженный въ Горицкой обители, онъ основалъ въ родномъ городѣ своемъ Переславлѣ новый монастырь въ честь Св. Николая и оттуда часто посѣщалъ другаго великаго подвижника, который въ 60 верстахъ отъ него сіялъ святостію жизни посреди дремучаго лѣса.

Перенесемся мыслію въ первоначальную обитель преп. Сергія. Тамъ на мѣстѣ нынѣшнихъ величественныхъ и благолѣпныхъ храмовъ, стояла малая деревянная церковь Живоначальныя Троицы, а на мѣстѣ обширныхъ и красивыхъ лаврскихъ зданій были убогія кельи, воздвигнутыя святыми руками самого Сергія и учениковъ его. Можно ли безъ умиленія представить себѣ, какъ два чудные

мужа, два друга — Сергій и Димитрій — совершали въ церкви всенощное бдѣніе, за неимѣніемъ свѣчъ, при свѣтѣ и трескѣ лучины, какъ они вмѣстѣ съ братіею сливали свои голоса въ одинъ голосъ на словословіе Пресвятой Троицы, какъ, послѣ продолжительныхъ подвиговъ молитвы и поста, садились они въ убогой кельѣ за убогую трапезу. И между тѣмъ, какою радостію свѣтились лица постниковъ отъ благодатнаго свѣта, въ душѣ ихъ сокрытаго! Съ какимъ смиреніемъ другъ у друга испрашивали они совѣтовъ для жизни иноческой и какое утѣшеніе доставляла имъ душеполезная дружеская бесѣда. О, еслибы всѣ друзья христіанскіе приняли за образецъ себѣ дружбу сихъ подвижниковъ, т.-е. также дружно, какъ они, стремились къ цѣли вышняго званія о Христѣ Іисусѣ!

Избѣгая славы человѣческой, подвижникъ, уже лично извѣстный в. князю Димитрію, воспріемникъ дѣтей его, удалился въ дубравы вологодскія, потомъ основалъ общежительную обитель на прилукахъ, гдѣ и преставился 11 февраля 1392 года.

Но и по кончинѣ своей чудотворецъ Димитрій не преставалъ быть заступникомъ обители своей и всей страны вологодской. Когда Шемяка, враждуя противъ великаго князя Василія Темнаго, напалъ на Вологду, жители города, не довольно укрѣпленнаго, трепетали сильнаго врага. Въ то же время одна благочестивая инокиня удостоилась чуднаго видѣнія: городъ окруженъ былъ свѣтомъ и святолѣпный старецъ шелъ къ нему по дорогѣ изъ Прилуцкой обители; къ нему вышли на встрѣчу, изъ скудельницы, гдѣ погребали странныхъ, два свѣтовидные бѣлоризца, Стѣны города колебались. Бѣлоризцы и старецъ, котораго они называли Димитріемъ, обошли городъ, укрѣпили стѣны его и скрылись. На другой день граждане Вологды тучею стрѣлъ и камней отразили приступъ Шемяки и побили множество враговъ. Шемяка простоялъ потомъ нѣсколько дней, принужденъ былъ обратиться къ Галичу, но и тамъ потерпѣлъ пораженіе.

Не забудемъ и другаго видѣнія. Одинъ благоговѣйный

инокъ, среди явившагося ему сонма св. мужей, искалъ преп. Димитрія, и голосъ возвѣстилъ ему: „ты Димитрія ищешь? онъ теперь въ Казани.“ Это было наканунѣ покоренія Казани царемъ Іоанномъ.

Въ Актахъ археографической экспедиціи (II. 196) помѣщено донесеніе Вогогодскаго воеводы въ 1609 году, среди самаго разгара смутнаго времени. „Чудотворецъ Димитрій явилъ намъ свою милость (пишетъ воевода), обѣщался стоять съ нами противъ враговъ государевыхъ. Онъ явился духовному старцу у своей гробницы и велѣлъ перенесть чудотворный свой образъ въ Вологду. Мы встрѣтили тотъ образъ съ великою честію, поставили его со слезами и съ молебнымъ пѣніемъ въ церковь Всемилостиваго Спаса и рѣшились смѣло стоять противъ враговъ государя и всего православнаго христіанства.“ На этотъ разъ Вологда уцѣлѣла невредимою по молитвамъ чудотворца Димитрія, но въ 1613 году шайки Ляховъ и мятежниковъ, разорявшія вологодскій край, ограбили и опустошили обитель Прилуцкую. Тамъ сожгли они 59 монаховъ, захваченныхъ въ трапезѣ.

Въ томъ же храмѣ преп. Димитрія покоится другой великій труженикъ. Это князь инокъ Игнатій, сынъ удѣльнаго князя Андрея Углицкаго и внукъ Василій Темнаго. Ему было не болѣе 13 лѣтъ, когда державный Іоаннъ, подозрѣвая брата своего Андрея въ измѣнѣ, заключилъ его въ оковы съ малолѣтными сыновьями Іоанномъ и Димитріемъ. Когда Андрей умеръ въ оковахъ, дѣтей его перевезли въ Вологду и по прежнему держали въ тюрьмѣ. Младшій изъ нихъ Іоаннъ провелъ здѣсь цѣлую жизнь. Съ юныхъ дней кроткій и богобоязненный, онъ находилъ утѣшеніе только въ изученіи закона Божія и въ непрестанной молитвѣ; не только не роптал онъ на суровую участь свою, но благодарилъ за нее Господа по примѣру мучениковъ Божіихъ и укрѣплялъ брата Димитрія, который былъ не столько твердъ духомъ и по временамъ сильно жаловался на жестокость державнаго дяди. Такъ чистая душа блаженнаго юноши смотрѣла на самыя скорби

свои, какъ на пути благой премудрости Божiей, ведущей къ вѣчному спасенiю! Такъ за скорбiю слѣдовала въ ней терпѣливость, за терпѣливостiю духовная опытность, за опытностiю надежда, а надежда не оставляетъ въ стыдѣ (Рим. 5, 3—5).

Послѣ 32-лѣтняго заточенiя страдалецъ Божiй сильно заболѣлъ и предъ кончиною облеченъ въ схиму съ именемъ Игнатiя. Онъ давно уже желалъ постриженiя въ обители Прилуцкой и безъ сомнѣнiя подозрительность человѣческая не возбранила бы узнику перемѣнить тюремное заключенiе на затворъ въ стѣнахъ монастырскихъ; но труженика удерживала нѣжная любовь къ брату, котораго не хотѣлъ онъ оставить одинокимъ въ темницѣ. Князь схимникъ Игнатiй перешелъ въ вѣчный покой 19 мая 1523 года, 45 лѣтъ отъ рожденiя, и погребенъ въ Прилуцкой обители, близъ преп. Димитрiя, гдѣ и теперь стоитъ надгробная его рака. Во время погребенiя совершилось нѣсколько чудесныхъ исцѣленiй. Церковная служба страдальцу князю извѣстна по рукописямъ XVI вѣка. Принадлежавшая ему икона Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ Радости*, оставлена имъ въ темницѣ въ утѣшенiе узникамъ. Въ ногахъ у преп. Игнатiя погребенъ братъ его Димитрiй, который еще долго оставался въ темницѣ, но въ старости освобожденъ и приготовилъ себѣ могилу у ногъ брата, своего утѣшителя и наставника. Въ ризницѣ Прилуцкаго монастыря я видѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ древнихъ утварей и харатейныхъ рукописей: одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ житiе и чудеса преп. Димитрiя Прилуцкаго, „творенiе игумена Макарiя тоя же обители“; Макарiй былъ пятымъ настоятелемъ Прилуцкимъ и жилъ въ первой половинѣ XVI столѣтiя. Другая рукопись—Прологъ въ двухъ большихъ книгахъ, писанныхъ уставомъ на пергаменѣ—древнѣе первой и относится къ началу XV вѣка.

Послѣ краткаго отдыха въ настоятельскихъ кельяхъ и прогулки въ тѣнистомъ монастырскомъ саду мы посѣтили тотъ корпусъ братскихъ келiй, гдѣ въ 1812 году жили: златоустовскiй архимандритъ Симеонъ (въ послѣдствiи

архіепископъ Ярославскій) и Угрѣшскій игуменъ Павелъ (скончавшійся на покоѣ, въ санѣ архіепископа). Они сопровождали сюда драгоцѣнности ризницъ и библіотекъ Московской патріаршей, Лаврской Троицкой и другихъ монастырей и соборовъ и оставили послѣ себя слѣдующую надпись на стѣнѣ кельи:

Въ то время, въ грозную для Церкви ту годину,
Какъ новый Юліанъ въ надменности своей,
Безбожною рукой коснулся алтарей
(Разбойникъ, взявъ царя подложную личину),
Въ то время въ лютый часъ пылающей Москвы,
Какъ сорванъ крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
(Ихъ крыло рубище — тирана вѣчный стыдъ),
Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали
Игуменъ и архимандритъ:
Одинъ — монастыря Угрѣшскаго Николы,
Другой — святителя, что въ Греціи глаголы
Въ желѣзныя сердца златые изливалъ
И Златоустымъ свѣтъ котораго назвалъ.
. . . .
Прости священная обитель!
Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
Такъ да хранитъ Господь тебя на всякій часъ.

Надъ кровлею этого зданія, подъ изображеніемъ Всевидящаго Ока, поставлено двустишіе отъ лица монастыря:

Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ,
Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ.

На другой день, послѣ поѣздки въ Прилуцкій монастырь, мнѣ удалось видѣть и облобызать икону Богородицы, всѣхъ скорбящихъ Радости, оставленную преп. Игнатіемъ въ наслѣдіе узникамъ. Замѣчательно, что она до сихъ поръ сохранила свое назначеніе, хотя много разъ переходила изъ одной темницы въ другую. Теперь она находится въ домовой церкви, при Вологодскомъ острогѣ, устроенной въ честь ея въ 1823 году на приношенія поклонниковъ, которые стекаются во множествѣ для поклоненія образу, почитаемому чудотворнымъ, а прежде помѣщалась въ отдѣльной часовнѣ, на чертѣ тюремной ограды. Неиз-

вѣстно, съ какого времени началось усердіе богомольцевъ къ св. иконѣ, но можно полагать, что по кончинѣ князя узника, когда чудеса отъ мощей его, при самомъ погребеніи доказали святость преп. Игнатія, благоговѣніе народное обратилось и къ той святынѣ, которая была съ нимъ всегда неразлучною, какъ единственное наслѣдіе и благословеніе родительское. Предъ сею-то иконою доблестный узникъ тридцать два года своего темничнаго заключенія подвизался въ непрестанной молитвѣ, терпѣніи и постѣ, и, ходатайствомъ пресв. Дѣвы, вмѣсто утраченныхъ благъ мірскихъ, стяжалъ высшее всѣхъ земныхъ сокровищъ—благодать Божію, которая укрѣпила, очистила и освятила его страданіемъ и явила въ немъ міру праведника и чудотворца. Не дивно, если и самую сію икону, бывшую свидѣтельницею богоугодныхъ подвиговъ страдальца, благодать Божія избрала особеннымъ орудіемъ, чрезъ которое чудодѣйственно подавалась и подается небесная помощь и радость всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ ней, особенно же скорбящимъ и озлобленнымъ.

Въ самомъ городѣ, на юго-западной сторонѣ его, находится Святодуховъ монастырь, называвшійся прежде Галактіоновою пустынью. Когда Грозный царь умертвилъ боярина князя Ивана Бѣльскаго, семилѣтній сынъ убіеннаго, Гавріилъ былъ укрытъ родственниками и друзьями отца, которые отправили ребенка въ городъ Старицу, чтобы спасти его отъ ярости царской. Тамъ юный князь скрывался въ неизвѣстности и кормился сапожнымъ мастерствомъ, а пришедши въ зрѣлый возрастъ, постригся съ именемъ Галактіона, пришелъ въ Вологду, выпросилъ у жителей мѣстечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложилъ на себя тяжкій подвигъ затворничества въ оковахъ. Онъ приковалъ себя къ стѣнѣ цѣпью. Богобоязненные люди подавали ему въ окошко пищу; когда склонялъ его сонъ, онъ становился на колѣни и держась за цѣпь, засыпалъ сномъ легкимъ и прерывистымъ; пищею его былъ только сухой хлѣбъ съ водою.

Въ одной старинной рукописи (Сборникъ Моск. Дух.

Акад. 1657 года № 201) попалось мнѣ свѣдѣніе о томъ, что преп. Галактіонъ принадлежалъ къ числу учениковъ преп. Иринарха, Борисоглѣбскаго затворника. Ученики Иринарха, какъ сказано въ томъ же сборникѣ, „всѣ имѣли одинъ образъ житія, носили тяжелыя цѣпи, которыми приковывали себя къ стѣнамъ, питались сухою пищею, не прикасаясь ни къ рыбѣ, ни къ маслу. Житіе ихъ вѣдомо единому Богу. Къ нимъ приходили многіе и, какъ слышно, получали отъ нихъ великую пользу."

Подвижнику Божію открыто было о наступающихъ для Вологды бѣдствіяхъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ цѣпяхъ своихъ, явился въ земскую избу и объявилъ: „грѣхи призвали на насъ Ляховъ и Литву; пусть начнутъ постъ и молитву и поспѣшатъ построить храмъ Знаменія Богоматери. Царица небесная избавитъ Вологду, какъ нѣкогда Новгородъ, отъ гнѣва Божія.„ Но одинъ изъ именитыхъ гражданъ Нечай Щелкуновъ сказалъ: „не о насъ, а о себѣ хлопочетъ старецъ: ему хочется только имѣть храмъ вблизи себя; а что будетъ съ храмомъ, прибавилъ онъ съ насмѣшкою, когда умрешь ты, старецъ?" Старецъ отвѣчалъ строго:" гнѣвъ близокъ къ Вологдѣ; что же до меня то на моемъ мѣстѣ прославится Богъ, — построена будетъ обитель." За тѣмъ объявилъ, что Троицкій храмъ, построенный Нечаемъ, будетъ сожженъ, и домъ Нечая — запустѣетъ. Проходя мимо храма св. Димитрія Прилуцкаго, онъ громко сказалъ: „чудотворецъ Дмитрій молилъ Спасителя за городъ; но его оскорбили тѣмъ, что вокругъ его храма настроили лавокъ и завели шумъ торговый; вотъ увидите, что и этотъ храмъ раззоренъ будетъ."

Предсказаніе труженика скоро исполнилось: 22 сентября 1612 года Ляхи напали на Вологду, и по сказанію современника, „городъ взяли и людей всякихъ посѣкли, и церкви Божіи поругали, и городъ и посады выжгли до основанія". Злодѣи не пощадили и смиренной кельи Галактіоновой; а его самого жестоко избили и истерзали, такъ что онъ чрезъ три дня скончался мученикомъ. Вологжане погребли тѣло страдальца въ бывшей его келліи. Спустя нѣ-

сколько лѣтъ, Варлаамъ II, архіепископъ Вологодскій и Великопермскій, на мѣстѣ подвиговъ преп. Галактіона, благословилъ построить деревянную церковь Знаменія Богородицы, которая потомъ замѣнена каменною и при ней устроена обитель, а при архіепископѣ Маркеллѣ въ 1654 году построенъ двухъ-ярусный пяти-главый соборный храмъ Сошествія Св. Духа. Подъ нимъ, въ нижней Знаменской церкви почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Галактіона. При ракѣ преподобно-мученика находится шапка, сдѣланная изъ двухъ желѣзныхъ полосъ, крестообразно сложенныхъ съ обручемъ вокругъ головы и желѣзныя вериги, соединенныя съ одной стороны такимъ же аналавомъ, а съ другой крестомъ. На аналавѣ вырѣзана надпись: „рабъ Божій Гаврилъ во имя Отца и Сына и Св. Духа обѣщался терпѣти до конца.“

Святодуховскій монастырь называется также Спасо-каменнымъ, потому что сюда въ 1775 году переведено братство знаменитаго Спасо-каменнаго монастыря, бывшаго на Кубенскомъ озерѣ и тогда упраздненнаго послѣ пожара. Въ тоже время перенесены были сюда останки мощей преп. Іоасафа, въ мірѣ Андрея, сына князя Дмитрія Васильевича Заозерскаго. Онъ подвизался на Каменномъ островѣ и преставился еще въ молодости 10 сентября 1453 года; мощи его, прославленныя чудесами, почивали открыто. Въ 1472 году, когда монастырь Спасо-каменный весь выгорѣлъ, останки мощей были собраны частію въ особую гробницу, частію въ крестъ обложенный серебромъ. Въ этомъ видѣ они и теперь покоятся въ верхней Сошественской церкви Святодухова монастыря.

Въ храмахъ обители сохранились древнія иконы, а въ ризницѣ нѣсколько старинныхъ утварей, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательно перенесенное изъ Спасо-каменнаго монастыря собраніе рѣзныхъ образовъ, складней и крестиковъ „глубокой древности“, по выраженію М. П. Погодина, который, разсматривалъ ихъ въ 1841 году.

Еще одну обитель иноческую, Заоникіеву Владимірскую пустынь — посѣтилъ я въ день храмоваго ея праздника

23 іюня, благодаря милостивому вниманію преосв. епископа Павла, который изволилъ взять меня съ собою, отправляясь туда для совершенія литургіи. Пустынь зовется Заоникіевою, потому что лежитъ за бывшимъ Оникіевымъ лѣсомъ, гдѣ гнѣздился въ старину страшный разбойникъ Оника съ своею шайкою. И теперь еще между мелкимъ кустарникомъ указываютъ могилу Оники. Названіе Владимірской пустыни происходитъ отъ иконы Богородицы, явившейся въ этомъ лѣсу 23 іюня 1588 года благочестивому поселянину Кубенской волости Иларіону, долго и тяжко страдавшему глазною болѣзнію. Получивъ исцѣленіе при явленіи иконы, Иларіонъ, названный въ иночествѣ Іосифомъ, по благословенію святителя Антонія, мѣстно чтимаго въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ, основалъ монастырь на мѣстѣ бывшаго ему видѣнія. Въ храмѣ монастырскомъ находится явленная Іосифу чудотворная икона, сходная съ казанской, но называемая Владимірскою потому, что явилась 23 іюня, т. е. въ тотъ день, когда Москва празднуетъ срѣтеніе чудотворной Владимірской иконы. Въ придѣлѣ Живоначальной Троицы подлѣ лѣваго клироса почиваютъ подъ спудомъ мощи основателя обители преп. Іосифа, Заоникіевскаго чудотворца, скончавшагося 21 сентября 1612 года, на 83 году отъ рожденія.

Эта малая и довольно скудная обитель, расположенная въ низкой лощинѣ въ 14 верстахъ отъ Вологды по дорогѣ въ Кириловъ, теперь возобновляется попеченіями своего настоятеля игумена Иринея.

Наступало уже для меня время пуститься изъ Вологды въ дальнѣйшій путь; грустно было оставить благочестивый, истинно-богоспасаемый городъ съ завѣтными его святынями, грустно было проститься съ досточтимыми лицами, которыя почтили своимъ радушіемъ и вниманіемъ незнакомаго пришельца.

Передъ отъѣздомъ я успѣлъ посѣтить древнѣйшую святыню Вологды — надгробную раку преп. Герасима, который въ 1147 году пришелъ изъ Кіева на р. Вологду и у ручья Кайсарова основалъ обитель съ храмомъ св. Троицы. Это

было еще „до начала города Вологды.“ Тогда былъ здѣсь глухой лѣсъ и въ лѣсу посадъ съ храмомъ Воскресенія, а на „лѣнивой площади“ малый торжекъ. Подвижникъ благочестія примѣромъ своей жизни и свѣтлыми наставленіями озарилъ дикую страну — и мирно почилъ 4 марта 1178 г. Въ житіи его разсказывается, что онъ имѣлъ споръ съ купцомъ Андреемъ Пятышевымъ о небольшомъ участкѣ земли. Напротивъ церкви пресв. Троицы, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Герасима, стоитъ домъ, который дѣйствительно принадлежалъ купцамъ Пятышевымъ, изъ которыхъ послѣдній по мужескому колѣну умеръ въ 1843 году передъ наступленіемъ 700-лѣтія Вологды. Преданіе прибавляетъ, что преп. Герасимъ предсказалъ Пятышеву, что родъ его будетъ ни богатъ, ни бѣденъ. Предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбылось. Церковь убрана богато благочестіемъ жителей, ревнующихъ къ славѣ почивающаго въ ней первоначальника Вологды.

Завтра ѣду въ Бѣлозерскій край, въ обитель преп. Кирилла. Оттуда надѣюсь прислать вамъ третье письмо.

Вологда. 24 іюня 1867 года.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Выѣхавъ рано утромъ изъ Вологды, по дорогѣ въ Кирилловъ, и проѣзжая мимо обители Прилуцкой, я бросилъ послѣдній взглядъ на городъ, богатый святынею и древностію, счастливый искреннимъ благочестіемъ жителей, и задумался о томъ, какъ православная наша Церковь давала духовную основу и крѣпость городамъ. И донынѣ у Вологды три духовныя твердыни: съ сѣверозапада храмъ Пресв. Троицы, съ мощами преп. Герасима; съ сѣвера обитель Спасо-Прилуцкая съ мощами свв. Димитрія и Игнатія; съ юга монастырь Духовъ съ гробницами свв. Іоасафа и Галактіона.

Въ слободѣ, прилегающей къ Прилуцкому монастырю и прежде ему принадлежавшей, замѣчательна приходская церковь св. Николая, что на Валухѣ. При ней существовалъ въ древности женскій Никольскій монастырь, одинъ изъ тѣхъ, которые находились въ полной зависимости отъ мужскихъ. Преосв. Макарій, архіепископъ Харьковскій, въ своей Исторіи Русской Церкви, называетъ такіе монастыри мужеско-женскими монастырями. „Между женскими монастырями, говоритъ онъ, были, кажется, монастыри какъ бы приписанные къ мужскимъ, составлявшіе вмѣстѣ съ ними двѣ половины однихъ и тѣхъ же монастырей, подъ управленіемъ однихъ настоятелей. Къ такимъ мужеско-женскимъ монастырямъ не безъ основанія можно относить: Хотьковъ, въ которомъ приняли постриженіе и погребены родители преп. Сергія Радонежскаго; Лазаревскій Городецкій, гдѣ въ 1367 году, во время вечерни, страшный громъ побилъ чернецовъ и черницъ, и другіе. Самымъ же яснымъ доказательствомъ существованія у насъ тогда мужеско-женскихъ монастырей служатъ слѣдующія слова митрополита Фотія Новгородцамъ, направлен-

ныя противъ этихъ монастырей: если въ какомъ монастырѣ находятся чернецы, тамъ бы черницы не жили; но чернецы жили-бъ себѣ въ монастырѣ, а черницы себѣ въ монастырѣ". — Неизвѣстно когда основана и когда упразднена женская Николаевская обитель, приписанная къ Спасо-Прилуцкому монастырю, но свѣдѣнія, отъисканныя Н. И. Суворовымъ въ старомъ архивѣ Прилуцкомъ, показываютъ, что на содержаніе ея отпускались изъ Прилукъ деньги и припасы, а отъ поступающихъ туда дѣвицъ и вдовъ принимались вклады съ 1605 по 1690 годъ.

Сначала мы ѣхали по большому Архангельскому тракту, потомъ свернули также на большую, но не почтовую дорогу Бѣлозерскую. Отъ Вологды до Кириллова монастыря 120 верстъ, съ тремя перемѣнами лошадей на вольныхъ станціяхъ.

Вдали показалась длинная синеватая полоса, озаренная утренними лучами солнца. Это было Кубенское озеро. Мы повернули направо къ обители преп. Александра, которая находится въ 40 верстахъ отъ Вологды, при впаденіи р. Кушты въ озеро.

Постриженникъ Спасо-Каменной обители, въ игуменство опытнаго въ духовной жизни настоятеля—святогорца, блаж. Діонисія, преп. Александръ искалъ пустыннаго уединенія. Онъ сначала поселился на берегу рѣки Сянжемы, гдѣ былъ густой лѣсъ, окруженный озерами; потомъ встрѣтивъ, близъ устья р. Кушты, преп. Евфимія, который еще прежде его удалился изъ Спасо-Каменнаго монастыря на пустынные подвиги, провелъ съ нимъ нѣсколько времени въ духовной бесѣдѣ. Потомъ просилъ онъ Евфимія уступить ему свою келью, предлагая взамѣнъ оставленную имъ на Сянжемѣ. Евфимій согласился и при прощаньѣ отдалъ ему на благословеніе свой крестъ. Тихая пустыня очень понравилась блаж. Александру. Подойдя ближе къ озеру, водрузилъ онъ крестъ и предъ нимъ пролилъ молитву, дабы благословилъ Господь собрать здѣсь ревнителей крестнаго пути. Построивъ себѣ келью, онъ трудился одиноко. Спустя нѣкоторое время пришелъ въ его уединеніе ста-

рецъ; съ нимъ онъ провелъ пять лѣтъ, изнуряя плоть подвигами поста и трудовъ, и очищаясь въ душѣ молитвою. Когда пришелъ еще третій братъ: „братія, сказалъ преподобный, желаю, если угодно Господу, построить на этомъ пустынномъ мѣстѣ храмъ въ честь Успенія Богоматери." Воля Господня да будетъ, отвѣчали они, радуясь желанію старца. Преп. Александръ отправился въ Ростовъ къ бывшему игумену своему, а съ 1418 г., архіепископу Діонисію, и тотъ съ любовію благословилъ его устроить пустынную обитель съ храмомъ. Послѣ многихъ подвиговъ, преп. Александръ, Куштскій чудотворецъ, преставился 9-го іюня 1439 года.

Скромная пустыня Куштская производитъ самое пріятное впечатлѣніе на путника. Посреди смиренной деревянной ограды, мѣстами обвалившейся и замѣненной даже простымъ заборомъ, на широкомъ привольѣ зеленаго луга, испещреннаго цвѣтами, возвышается старинная дубовая церковь, съ шатровою главою и широкими крыльями, висящими на столбахъ. Къ ней примыкаетъ небольшая каменная церковь позднѣйшей постройки. Сами преподобные, Александръ и Евѳимій, съ ученикомъ своимъ Харитоніемъ, и другіе пустынножители здѣсь подвизавшіеся, священнымъ своимъ ликомъ встрѣчаютъ путниковъ въ святыхъ вратахъ убогой ихъ обители, и отраденъ пустынный привѣтъ ихъ на прагѣ мирнаго пріюта. Вокругъ ограды разроссся частый сосновый лѣсъ, хотя и не высокій, но мрачностью соотвѣтствующій дикому уединенію, въ которомъ, какъ малый оазисъ, открывается обитель. Нѣсколько монастырскихъ службъ, мельница, братскія келліи и лѣтній домикъ настоятеля, куда пріѣзжаетъ онъ подышать на свободѣ изъ Каменнаго своего острова, вотъ все, что составляетъ нынѣ обитель Куштскую, въ свое время многолюдную. Она упразднена въ 1764 году и нѣсколько времени служила приходскою церковью для сосѣднихъ жителей, потомъ осталась безприходною и приписана къ монастырю, возобновленному на Спасо-Каменномъ

островѣ. Здѣсь живетъ одинъ іеромонахъ съ нѣсколькими послушниками.

По неутоптанному бархату густаго луга, подошли мы къ древнему собору, обращенному олтарями къ святымъ вратамъ. Между двухъ олтарей каменной и деревянной церкви, произрастаетъ деревцо рябины, какъ бы изъ самой гробовой раки пустынножителя; эта отрадная лѣторосль, огражденная рѣшеткою по благоговѣнію настоятеля, выросла спустя годъ по кончинѣ преп. Александра; съ давнихъ временъ народъ беретъ ягоды съ деревца и по вѣрѣ получаетъ исцѣленіе. По ветхому крыльцу, уже чувствующему тяжесть ноги человѣческой, отъ вѣковаго хожденія многихъ поколѣній, взошли мы сперва въ холодный соборъ Успенія, который сохранилъ извнѣ и внутри древній священный видъ свой, хотя и почернѣвшій отъ времени. Внутри его расположеніе крестообразно и, къ счастію, ничего не измѣнилось въ немъ съ половины XVI вѣка когда сооружена была эта церковь, послѣ опустошительнаго пожара, истребившаго въ 1549 году всю пустынь, современную преподобному Александру. И такъ уже три столѣтія совершается священнослуженіе въ этомъ святилищѣ; древній дубъ его имѣетъ прочность камня. Въ высокомъ иконостасѣ сохранились старыя иконы: храмовыя Успенія и святителя Николая, перенесенныя изъ упраздненной церкви, пресв. Троицы и Воскресенія Господня, въ видѣ сошествія во адъ. Царь-пророкъ и благоразумный разбойникъ, на алтарныхъ дверяхъ, открываютъ входъ во внутреннее святилище, скромно обитое тесомъ, гдѣ еще нѣсколько древнихъ иконъ и крестовъ разставлено по полкамъ; все носитъ отпечатокъ пустыннаго убожества давноминувшаго времени.

Каменная двухъ-ярусная церковь построена на мѣстѣ южнаго отсѣченнаго крыла соборнаго, надъ самою гробницею основателя обители. Въ ней престолъ во имя преп. Александра Куштскаго; тамъ съ лѣвой стороны иконостаса, поставлена мѣдная позлащенная рака съ его священнымъ ликомъ на гробовой декѣ. Надъ ракою чудотвор-

пая икона Божіей Матери, быть можетъ его келейная, ибо къ ней искони питаютъ особенное усердіе богомольцы. На стѣнѣ поверхъ раки изображены всѣ пустынножители дремучихъ лѣсовъ и дебрей Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, общимъ молитвеннымъ сонмомъ припадающіе къ ногамъ Спасителя; умилителенъ братскій соборъ ихъ, въ такомъ дикомъ уединеніи, надъ гробомъ ихъ сподвижника, какъ бы во свидѣтельство взаимной любви и памятованія другъ о другѣ, предъ общимъ ихъ Господомъ.

Въ виду пустыни разстилается блестящимъ полотномъ серебристая равнина Кубенскаго озера (оно имѣетъ до 70 верстъ длины по направленію отъ сѣвера къ югу и отъ 10 до 15 в. ширины). По берегу видны селенія съ привольными лугами и пастбищами; къ сожалѣнію необыкновенное разлитіе водъ, случившееся нынѣшнею весною, затопило лучшіе покосы, такъ что они и теперь, въ концѣ іюня, еще стоятъ подъ водою. Село Кубинское-Устье (въ 3 верст. отъ пустыни) было мѣстопребываніемъ удѣльнаго князя Дмитрія Васильевича Заозерскаго, правнука св. князя Θеодора, Ярославскаго чудотворца. Нѣсколько подалѣе — село Бохтюгъ, удѣлъ князя Юрія Бохтюжскаго. Оба эти князя помогали преп. Діонисію Глушицкому въ устройствѣ и поддержаніи его обителей; первый изъ нихъ, сверхъ того, по особенному усердію къ преп. Александру, весьма заботился о Куштской пустынѣ; супруга его, княгиня Марія, часто присылала туда запасы для трапезы. Когда она занемогла и просила молитвъ преп. Александра, прозорливый старецъ велѣлъ ей готовиться къ вѣчной жизни, и спустя 20 дней княгиня скончалась. Еще прежде того князь Димитрій Заозерскій былъ убитъ татарами. Удѣлъ его, Заозерье, достался сыновьямъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ отнятъ у нихъ в. княземъ Василіемъ Темнымъ за родство съ Шемякою (который былъ женатъ на родной сестрѣ ихъ) и отданъ князьямъ Можайскимъ, ближайшимъ родственникамъ в. князя.

Отъ устья Кушты ближайшій переѣздъ на Каменный островъ, прославленный добродѣтельными подвигами пу-

стынножителей Спасо-Каменнаго монастыря. Въ утлой ладьѣ пустился я въ 8-ми-верстный путь черезъ озеро; здѣсь плаваніе совершенно безопасно, даже и при вѣтрѣ, по частымъ отмелямъ и узкимъ протокамъ между островками, поросшими густымъ тростникомъ.

Во время плаванія, любуясь окрестностями озера и скалою Спасо-Каменскою, которая мелькала впереди, какъ бы бѣлое вѣтрило рыбарей, я размышлялъ о судьбахъ дивной пустынной обители, къ которой мы плыли теперь и которая была нѣкогда разсадникомъ иночества въ предѣлахъ Вологодскихъ. Постриженникъ ея, благоговѣйный старецъ Паисій Ярославовъ, наставникъ преп. Нила Сорскаго, бывшій нѣсколько времени игуменомъ Сергіевой Лавры и не захотѣвшій быть митрополитомъ, собралъ изъ монастырскихъ записокъ и уцѣлѣвшихъ преданій все, что могъ найдти о началѣ обители Спасокаменской и житіи ея подвижниковъ. Еще въ XIII вѣкѣ было населеніе иноческое на пустынномъ озерѣ Кубенскомъ. Князь Глѣбъ Бѣлозерскій, сынъ св. князя-мученика Василька Ростовскаго, плылъ по озеру на стругѣ и былъ застигнутъ страшною бурею. Судно стало заливаться водою. Тогда князь и бывшіе при немъ люди подвиглись на молитву всемилостивому Спасу, дабы избавиться имъ отъ належащей бѣды и дали обѣтъ: гдѣ и въ какой день принесетъ ихъ къ берегу, на томъ мѣстѣ соорудить храмъ во имя празднуемаго въ тотъ день угодника Божія и устроить обитель. И вотъ, благоволеніемъ Божіимъ, въ 6-й день августа, в праздникъ Преображенія Господня, принесло ихъ бурею в средину озера къ острову, называемому Каменнымъ. Были на томъ островѣ пустынножители, состарѣвшіеся въ подвигахъ духовныхъ, числомъ до 23. Уже много лѣтъ насались они на дикомъ утесѣ озера, но церкви у нихъ не было, по причинѣ ихъ убожества и частыхъ нападеній язычниковъ, жившихъ по берегамъ Кубенскаго озера.

Пустынники собирались въ молитвенный домъ, или часовню, и втайнѣ возсылали тамъ теплыя молитвы къ Богу. Причаливъ къ острову Каменному, съ изумленіемъ

увидѣлъ князь Глѣбъ собравшійся тамъ сонмъ пустынножителей; относя къ промыслу Божію чудное свое пришествіе по бурнымъ водамъ, рѣшился тутъ же исполнить данный имъ обѣтъ Господу. Немедленно собралъ онъ древодѣлей на пустынный островъ и поставилъ церковь, во имя Преображенія Господня. Украсивъ ее потомъ иконами и всякою утварью, построилъ вокругъ нея ограду съ келліями и вручилъ старѣйшинство одному изъ пустынножителей, богобоязненному старцу Өеодору. Съ тѣхъ поръ обитель на островѣ прослыла Спасо-Каменною.

Послѣ многихъ лѣтъ — какъ пишетъ старецъ Паисій — игуменомъ этой обители назначенъ, по волѣ в. к. Димитрія Донскаго, пришедшій въ Москву изъ Царьграда нѣкто Діонисій, постриженникъ св. горы Аөонской и уроженецъ „изъ-за-Волошскія земли" (вѣроятно южный славянинъ). Много лѣтъ пробылъ онъ на игуменствѣ, изнуряя тѣло свое бдѣніемъ и постомъ и проходя узкій путь добродѣтели; къ нему стекались отовсюду ревновавшіе подражать доброму его житію и собралось множество братій; онъ же, украсивъ благолѣпно обитель, предалъ ей и уставъ св. горы Аөонской. Слава о немъ распространялась повсемѣстно. Подъ его руководствомъ начали свои пустынные подвиги угодники Божіи: преп. Діонисій Глушицкій, Евөимій и Харитонъ Сянжемскіе, Александръ Куштскій.

Когда блаж. игуменъ Діонисій былъ рукоположенъ на архіепископію Ростовскую, онъ поставилъ вмѣсто себя на Каменномъ ученика своего Иларіона, мужа сіявшаго добрыми дѣлами, по выраженію старца Паисія. При внукѣ Донскаго, в. к. Василіи Темномъ, игуменомъ обители былъ Кассіанъ, прожившій много лѣтъ въ Кирилловѣ и еще заставшій въ живыхъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго.

При этомъ Кассіанѣ пришелъ въ обитель Спасо-Каменную, осиротѣвшій сынъ благотворителей Куштской пустыни, отрокъ князь Андрей Дмитріевичъ Заозерскій. Кассіанъ постригъ его въ иночество съ именемъ Іоасафа и поручилъ опытному подвижнику старцу Григорію (ко-

торый послѣ былъ преемникомъ святогорца Діонисія на каѳедрѣ Ростовской). Юный труженикъ-князь, своими подвигами возбуждалъ общее удивленіе братіи; радуясь, посреди лишеній, имѣлъ онъ единую заботу, какъ бы угодить Богу. Пустынно и умилительно было мѣсто иноческаго его подвига, волнами какъ бы стѣнами огражденное; самъ онъ былъ, какъ птица, особящаяся па гнѣздѣ своемъ, и псаломски говорилъ душѣ своей: „се покой мой, здѣ вселюся". Съ братіею имѣлъ общеніе только въ дневныхъ и ночныхъ молитвахъ; прочее же время пребывалъ въ безмолвіи, вооружаясь духомъ противъ врага невидимаго, который старался искусить его помыслами. Игуменъ Кассіанъ ежедневно посѣщалъ юнаго подвижника, напоминая ему долгъ новаго званія и научая, какъ подобаетъ ему бороться съ лукавымъ искусителемъ, котораго навѣты безсильны противъ истиннаго воина Христова. Пять лѣтъ пребывалъ такимъ образомъ блаженный Іоасафъ, подъ руководствомъ богоугодныхъ старцевъ Кассіана и Григорія и, какъ добрый сынъ послушанія, направленъ былъ ими въ царство небесное.

Еще на землѣ сподобился онъ благодатныхъ видѣній и осіялъ его, хотя отчасти, отрадный свѣтъ лицезрѣнія Господня, который обѣщанъ для чистыхъ сердцемъ, въ вѣчныхъ селеніяхъ. Самъ Господь и Спасъ нашъ, Которому всѣмъ сердцемъ служилъ онъ въ обители, основанной на память свѣтлаго Его преображенія, явился ему и обѣщалъ, ради лишенія наслѣдія отеческаго, исполнить всю сію отчину пустынолюбцами, имѣющими подражать отроку въ блаженномъ пути его; такимъ образомъ утраченное имъ на землѣ достояніе, изъ земнаго обратилось въ небесное и сторицею ему возвратилось. Утѣшительнымъ явленіемъ Господа, блаженный юноша не превознесся, но еще болѣе смирился, и повѣдалъ о томъ игумену, дабы самоуслажденіемъ не впасть въ сѣти лукаваго. Не болѣе пяти лѣтъ продолжались подвиги препод. Іоасафа на пустынномъ островѣ. Юный инокъ изнемогая тѣлесно, благодарилъ Бога за посѣтившую его болѣзнь. Предчувствуя

кончину, призвалъ онъ игумена съ братіею и заклиналъ ихъ именемъ Божіимъ, ничего не раззорять изъ общежительнаго ихъ устава; при малѣйшемъ облегченіи, самъ онъ являлся въ церковь и, когда насталъ праздникъ Рождества Богородицы, велѣлъ вести себя къ литургіи, для пріобщенія въ послѣдній разъ божественныхъ Таинъ, отъ руки блаж. Кассіана; возвратясь въ келлію, уже не поднимался болѣе съ одра болѣзни. Игуменъ и братія скорбѣли о его конечномъ изнеможеніи, и готовы были, по чрезвычайной къ нему любви, съ нимъ и за него умереть: „ты насъ оставляешь, говорили они со слезами умирающему юношѣ, и многіе изъ насъ переселятся послѣ тебя изъ мѣста сего". Юный подвижникъ утѣшая ихъ, говорилъ: „мнѣ приспѣло время почить о Господѣ; васъ же предаю Богу и Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, да сохранятъ васъ отъ всякихъ искушеній, и Кассіанъ игуменъ восполнитъ всѣ ваши недостатки". Каждый изъ иноковъ подходилъ принять отъ него напутственное благословеніе, и у каждаго просилъ онъ себѣ молитвы, обнимая всѣхъ и благословляя, какъ нѣжный отецъ дѣтей своихъ, и увѣщевая жить въ мирѣ и любви. Одному изъ иноковъ велѣлъ онъ читать канонъ на исходъ души; во время чтенія, внезапно приподнялся и, взявъ кадильницу, подалъ ее игумену, повелѣвая окадить ѳиміамомъ всю келлію и пришедшую братію; самъ же произнесъ молитву человѣколюбивому Богу: да пріиметъ его въ вѣчное покоище и проститъ ему всѣ грѣхи, вольные и невольные, и сохранитъ рабовъ своихъ, спасающихся въ обители, отъ всякаго искушенія діавольскаго, да прославится въ нихъ имя Господне. Опустившись снова на одръ, просилъ всѣхъ молиться о мирномъ его отшествіи туда, гдѣ уже нѣтъ печали: такъ отлетѣла душа его къ Богу, возлюбившему Его и возлюбленному имъ отъ первыхъ дней жизни

По преставленіи блажен. подвижника-князя, нетлѣнныя мощи его были прославлены многими чудотвореніями, но, спустя 25 лѣтъ послѣ его кончины, случился пожаръ, отъ котораго выгорѣлъ весь монастырь на Каменномъ острову,

погорѣли и мощи преп. Іоасафа. Останки ихъ, благоговѣйно собранные въ ковчегъ и позлащенный крестъ, продолжали источать исцѣленія недужнымъ.

При новомъ, еще ужаснѣйшемъ пожарѣ, въ 1773 году, обитель совершенно истреблена огнемъ; кромѣ немногихъ иконъ и сохраненныхъ прежде останковъ св. мощей, все прочее пожрано пламенемъ Самый монастырь былъ упразднёнъ и, съ переводомъ братій въ Духовъ монастырь, даже и названіе Спасо-Каменнаго перешло туда вмѣстѣ съ ними; въ такомъ запустѣніи древняя обитель оставалась около 30 лѣтъ. Но въ послѣдній годъ минувшаго столѣтія, Вологодское дворянство и особенно купечество ближайшаго уѣзднаго города Кадникова, съ начальниками волостей, окружающихъ озеро Кубенское, движимые усердіемъ къ древнему святилищу, ходатайствовали предъ Св. Сvнодомъ о возстановленіи обители; она возстановлена въ 1801 году, повелѣніемъ императора Павла Петровича, хотя и не подъ своимъ прежнимъ именемъ, но подъ названіемъ Бѣлавинской пустыни, которой штатъ былъ переведенъ въ бывшій Спасо-Каменный монастырь. Такимъ образомъ возникла изъ развалинъ обитель преп. Іоасафа.

Усердіемъ окрестныхъ жителей возобновлены были по возможности обгорѣлыя зданія, двухъ-ярусный соборъ и настоятельскія келліи. Обитель процвѣла опять въ 1812 г. когда нашли въ ней пристанище иноки, бѣжавшіе изъ монастырей Московскихъ при раззореніи столицы: такимъ образомъ одно бѣдствіе послужило къ исправленію другаго. До 40 человѣкъ братіи, подъ начальствомъ строителя Ѳеодосія, изъ іеромонаховъ Нѣсношскаго монастыря, обитали болѣе трехъ лѣтъ на пустынномъ острову и привели обитель въ самое благоустроенное состояніе, строгостію жизни и церковнаго порядка. Милостыня обильно текла отовсюду, такъ что они могли обновить всѣ храмы, въ краткое свое пребываніе.

Нѣсколько саженъ составляютъ каменную площадку утеса, къ которой мы причалили послѣ часоваго плаванія отъ берега: ровно столько пространства, сколько нужно

для помѣщенія храма и келлій. Въ верхнемъ соборѣ Спаса сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ; на правой сторонѣ иконостаса рака, въ которою вложена часть мощей преп. Іоасафа, удѣленная изъ Духова монастыря. Въ нижней церкви — могила юродиваго Василія, котораго память особенно чествуется въ Спасо-Каменномъ и по всей окрестности, хотя неизвѣстны время и подвиги его труженическаго житія; свидѣтельствомъ ихъ служатъ тяжкія вериги и желѣзный колпакъ надъ его гробомъ. Достойно вниманія, что въ бѣдственный пожаръ 1773 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что только могло сгорѣть, бывшая деревянная рака надъ гробницею сего мѣстно-чтимаго угодника Божія осталась неприкосновенною, хотя вся его гробовая палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ. Онъ почиваетъ съ сѣверной стороны собора, а съ южной указали мнѣ гробовой камень другаго блаженнаго труженника обители, игумена Кассіана, ученика св. Кирилла Бѣлозерскаго, при которомъ спасался здѣсь преп. князь Іоасафъ.

Кромѣ того, въ Спасо-Каменной обители трудились и тамъ погребены еще нѣкоторые богоугодные подвижники, хотя могилы ихъ уже забыты, таковы: Петръ чудотворецъ, Тимоѳей и Кириллъ пустынникъ, внесенные покойнымъ митроп. Евгеніемъ въ списокъ святыхъ Вологодскихъ. (Вологод. епарх. Вѣдом. 1864. № 1.)

Весьма скудно братство оставшейся обители, такъ что едва достаетъ іеромонаховъ для ежедневной службы, но надобно вспомнить и о томъ, что они претерпѣваютъ въ зимнее время, когда почти нѣтъ богомольцевъ. Разсказываютъ, что напоръ весеннихъ льдовъ съ сѣверо-западной стороны, т. е. почти во всю длину озера, такъ великъ, что даже стеръ значительную часть берега и ежегодно вынуждены укрѣплять его булыжникомъ и новымъ тыномъ. Иногда ледъ подымается до такой высоты, что окружаетъ со всѣхъ сторонъ настоятельскія кельи какъ будто стѣною, и даже поднимается выше ихъ своимъ хрустальнымъ гребнемъ. Въ 1833 году, льдами заброшенъ

былъ огромный камень, на самую крышу, и большаго труда стоило сбросить его оттуда; а въ 1837 году въ страшную бурю, пробило кусками льда стекла въ настоятельскихъ кельяхъ. Насыпью камней и крѣпкими сваями стараются разбить напоры льдовъ, но когда, отъ времени до времени, заревутъ весеннія бури и грозятъ разрушеніемъ обители, иноки ея спасаются только теплою молитвою; собравшись въ храмѣ, они возжигаютъ лампады предъ св. иконами и всю ночь проводятъ въ бдѣніи молитвенномъ. Въ такое время, недѣли по двѣ, не бываетъ сообщенія съ берегомъ, такъ что иногда можетъ случиться недостатокъ въ припасахъ; но за то лѣтомъ бываютъ годы, когда совершенно пересыхаетъ озеро, между восточнымъ его берегомъ и островомъ, гдѣ разстояніе не такъ велико и есть много отмелей.

Чтобы по возможности сократить дорогу до Кирилова, я рѣшился плыть отъ Каменнаго острова уже не на прежнее мѣсто — къ устью р. Кушты, а далѣе къ селу Кубенскому. Здѣсь переѣздъ составляетъ около 15 верстъ и притомъ по открытой скатерти озера. Поднялся вѣтерокъ, по видимому, весьма незначительный, но лодка наша сильно раскачивалась, то какъ бы вскакивая на хребетъ волны, то спускаясь съ него. Бѣлые валы высоко поднимались съ запада, обливая насъ своимъ плескомъ. Но рыбаки, которые везли меня, ловко и смѣло работали веслами и спокойно говорили: „не бойся, баринъ, это ничего, озеро разъигралось!" — Впрочемъ мы доплыли благополучно и вышли на берегъ, въ полуверстѣ отъ села Кубенскаго, на обширный благоуханный лугъ, испещренный цвѣтами и ожидающій только труда человѣка, чтобы доставить обильный запасъ зимняго корма для стадъ, которые паслись подалѣе отъ берега, между кустарниками.

Село Кубенское — древнее, обширное и богатое селеніе, было нѣкогда удѣломъ князя Семена Кубенскаго, роднаго брата преп. Іоасафа Спасо-Каменскаго: это былъ небольшой остатокъ болѣе обширнаго Заозерскаго удѣла. Мѣстность открытая; видъ на озеро превосходный: вдали,

какъ бѣлая точка, мелькаетъ каменный островъ; вокругъ, по берегамъ, возвышаются 22 каменныя церкви привольныхъ селъ, въ томъ числѣ Устья-Кубенскаго и святой Луки; послѣднее изъ нихъ напоминаетъ мѣсто первыхъ подвиговъ преп. Діонисія Глушицкаго.

Едва успѣлъ я расположиться для отдыха въ томъ самомъ домѣ сельскаго старосты, гдѣ нѣкогда останавливался покойный профессоръ С. П. Шевыревъ, какъ вдругъ на сельской колокольнѣ раздался звонъ, весьма похожій на пожарный набатъ.

— „Что это, спросилъ я, не горитъ ли село?"

— „Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ сановитый старикъ-хозяинъ: это къ мірскому дѣлу звонятъ. У насъ здѣсь такой обычай: какъ нужно имáться (браться) за какую работу мірскую, мы и позвонимъ. Вотъ сосѣди услышатъ, что въ Кубенскомъ къ мірскому дѣлу звонятъ — косить что-ли нужно, и придутъ нанимáться; мы сдадимъ косить лугà, а траву послѣ раздѣлимъ. Какъ уговоримся съ работниками, зайдемъ въ церковь — Богу помолимся. Для того теперь и церковь отперта".

Хозяинъ поспѣшилъ на улицу, гдѣ уже собирался народъ, и я пошелъ за нимъ. Въ Кубенскомъ двѣ каменныя церкви: Пресв. Троицы, обширная, лѣтняя, и св. Пророка Иліи — теплая. Обѣ они построены въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и благолѣпно украшены благочестіемъ жителей села и прежними помѣщиками — Салтыковыми. Въ числѣ вкладовъ Салтыковыхъ хранится потиръ, безъ означенія года, кадило 1666 года, даръ боярина Михаила Михайловича и евангеліе въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, вѣсомъ въ 76 фунтовъ, данное графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ въ 1759 году, когда онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ за побѣду надъ Фридрихомъ Великимъ при Кунерсдорфѣ.

Въ Троицкой церкви хранится нѣсколько древнихъ иконъ. Одна изъ нихъ — Неопалимыя Купины, почитается чудотворною. Въ 1696 году была въ с. Кубенскомъ моровая язва: корчило жилы въ человѣкѣ и ныли кости. Язва прекрати-

лась, какъ скоро эта икона принесена была (по преданію влачившимся на колѣняхъ народомъ) изъ Вологды въ с. Кубенское.

Замѣчательна также икона Михаила Архангела со святыми Фроломъ и Лавромъ, Власіемъ и Модестомъ: внизу подводятъ къ нимъ коней и подъѣзжаютъ конные воины въ древнихъ одеждахъ и доспѣхахъ. Она также въ большомъ уваженіи у народа.

Оставались еще двѣ сдачи (перемѣны ямщиковъ и лошадей) до Кириллова — въ с. Новленскомъ и деревнѣ Копытовѣ. Въ первомъ изъ этихъ селеній много раскольниковъ Поморскаго согласія. Храмъ обветшалый съ развалившеюся оградою; народъ грубый, суровый. При сдачѣ лошадей ямщики ругали другъ друга такими словами (частію изъ старокнижной рѣчи), какихъ я никогда и нигдѣ ни слыхивалъ.

Почти въ 70 верстахъ отъ Вологды, близь границы Новгородской губерніи, на западной сторонѣ Кубенскаго озера, стоитъ небольшой монастырь Сямскій съ великолѣпнымъ двухъ-ярусным храмомъ Рождества Богородицы. Случаемъ къ построенію монастыря, въ 1524 году, было явленіе Божіей Матери лежавшему въ разслабленіи и чудесно исцѣленному крестьянину ближняго села Отводнаго Ивану Родіонову съ завѣщаніемъ идти на Сямскую волость къ Покровской церкви и объявить прихожанамъ повелѣніе о построеніи обители во имя Рождества Богородицы, близъ этой волости, у рѣчки Крутца, на полянѣ именуемой Долгой. Монастырь основанъ въ томъ же году обывателями волости. Мѣстная икона храмовая Рождества Богородицы съ тѣхъ поръ почитается чудотворною и въ монастырскомъ лѣтописцѣ записано нѣсколько чудесъ.

Чѣмъ ближе къ Кириллову, тѣмъ болѣе и болѣе оживляется дорога. Поднимаются горы, пригорки съ группами деревьевъ, съ избушками, съ вѣтреными мѣльницами. Озеръ большихъ и малыхъ безчисленное множество. Рѣка протекаютъ чрезъ нихъ и связываютъ ихъ между со-

бою, иногда же каналы. Припомню названія нѣкоторыхъ озеръ, удержавшіяся въ памяти: Никольское, Мелиховское, Вазерниковское, Кинешское, Перхинское.

Но вотъ вдали, еще верстъ за пять, забѣлѣли башни и стѣны монастыря Кириллова, и какъ бѣлые исполины, все растутъ выше и выше предъ нами, по мѣрѣ того, какъ мы къ нимъ приближаемся. А тамъ, въ сторонѣ, поднялась, высоко надъ всею окрестностію, гора Маўрина или Маўра, гдѣ остановился преп. Кириллъ, узнавъ мѣсто, прежде указанное ему въ дивномъ видѣніи.

Вотъ за двѣ версты до Кириллова, поклонная гора, гдѣ останавливаются пѣшіе богомольцы и кланяются богоносному первоначальнику обители. Толпа странниковъ молилась на ней въ то время, какъ мы подъѣзжали. Ихъ всегда здѣсь много, потому что Кирилловъ монастырь лежитъ на пѣшеходномъ пути къ великому богомолью Русскаго народа,—къ Соловкамъ, и не обойдетъ Бѣлозерскаго чудотворца ни одинъ странникъ-богомолецъ.

Кирилловъ, 26 іюня 1867 года.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Вотъ уже нѣсколько дней провелъ я въ Кирилловѣ, въ скромной и тихой кельѣ подъ сводами громадной и величественной ограды монастырской, осматривая достопримѣчательности знаменитой обители — ея храмы и святыни, ризницу, остатки библіотеки, оружейную палату. Но еще не успѣлъ я всего осмотрѣть, а главное — не успѣлъ привести въ порядокъ полученныхъ впечатлѣній, разъѣзжая ежедневно по окрестностямъ, богатымъ мѣстными святынями и воспоминаніями старины. Такъ успѣлъ я посѣтить бывшій монастырь преп. Θерапонта, дѣвичью Горицкую обитель и пустыню преп. Нила Сорскаго. Объ нихъ теперь хочу поговорить съ вами, отлагая бесѣду о Кирилловѣ до слѣдующаго письма.

Въ 1798 году Θерапонтовъ монастырь упраздненъ и храмы его сдѣлались приходскими. Мѣстность бывшей обители въ 15 верст. отъ Кирилова весьма живописна; живописны и виды по дорогѣ. Послѣ болотныхъ перелѣсковъ, открылись два обширныхъ озера. Θдно изъ нихъ, Бородавское, огибаетъ монастырскую ограду. Ясный солнечный день благопріятствовалъ мѣстоположенію; историческая обитель издали предстала на своемъ зеленомъ холмѣ въ полномъ блескѣ, какъ бы еще не упраздненная, съ своими шатровыми главами, въ видѣ остроконечныхъ башенъ, которыя даютъ ей особенный, своеобразный видъ. Такъ величава ея наружность и такъ живописно положеніе, что нельзя не пожалѣть о ея запустѣніи. Это мѣсто какъ будто нарочно создано для монастыря, преимущественно предъ многими другими.

Окруженныя широкими водами, холмы, рощи и поля невольно радуютъ сердце: таково первое впечатлѣніе Θерапонтова; но оно обращается въ весьма грустное, когда взошедши въ святыя врата, увидишь внутреннее запустѣ-

ніе бывшей обители, развалившіяся келліи и ограду, и дворъ поросшій травою, съ затоптанными могилами, и груду камней тамъ, гдѣ было жилье пустынниковъ.

Начало обители положено преп. Ѳерапонтомъ, другомъ и сподвижникомъ великаго Кирилла, около 1398 года. Пришедши вмѣстѣ съ Кирилломъ изъ Московскаго Симонова монастыря, Ѳерапонтъ поселился сначала вмѣстѣ съ другомъ своимъ въ землянкѣ, но вскорѣ ушелъ далѣе и избралъ себѣ то мѣсто, на которомъ воздвигъ свой монастырь, почти въ тоже время, когда на мѣстѣ прежней землянки возникла лавра Кириллова. Но смиренному пустыннику Ѳерапонту не суждено было подвизаться въ пустынѣ: князь Андрей, сынъ Донскаго, давно желавшій построить монастырь близь Можайска, умолилъ его принять на себя устроеніе новой обители.

На просьбы князя старецъ сначала отвѣчалъ слезами, потомъ согласился исполнить волю его, или, лучше сказать, волю Божію. Онъ покинулъ свою пустыню и переселился въ Можайскъ, гдѣ при богатыхъ средствахъ князя скоро устроился монастырь Рождества Богородицы въ Лужкахъ, въ верстѣ отъ города. Тамъ послѣ 18-лѣтняго настоятельства преп. Ѳерапонтъ преставился въ глубокой старости.

Преемникомъ преп. Ѳерапонта въ управленіи первоначальнымъ монастыремъ его въ Бѣлозерскомъ краю былъ преп. Мартиніанъ, любимый ученикъ мудраго наставника Кирилла. Урожденецъ деревни Берескина, близь которой стоитъ теперь Сямскій монастырь, отрокъ Михаилъ на 13-мъ году оставилъ родителей и родину и прямо съ поля, гдѣ боронилъ вспаханную отцомъ полосу, тайно ушелъ къ преп. Кириллу Бѣлозерскому, о которомъ слышалъ отъ многихъ. „Возьми меня къ себѣ, господине!“ говорилъ онъ старцу, упавъ ему въ ноги. Кириллъ отдалъ отрока учиться грамотѣ къ мірскому дьяку Олешу (Алексѣю) Павлову, а по наученіи взялъ къ себѣ. Полюбивъ чистую душу юнаго Михаила, св. старецъ облекъ его въ иночество съ именемъ Мартиніана и велѣлъ ему жить у себя въ келліи.

Когда блаж. Кириллъ молился въ своей келліи, и Мартиніанъ клалъ поклоны; онъ первый являлся по благовѣсту въ храмъ къ утреннему славословію; смущавшіе его помыслы открывалъ богоносному наставнику. Испытавъ Мартиніана послушаніями, пр. Кириллъ позволилъ ему жить въ особой келліи: но зорко смотрѣлъ за его духовною жизнію. Разъ Мартиніанъ изъ церкви зашелъ въ келлію одного брата „Зачѣмъ нарушаешь уставъ обители?“ сказалъ ему Кириллъ. „Войдя въ свою келлію, едвали захотѣлъ бы я выдти изъ нее; а мнѣ нужно было быть въ келліи брата“ отвѣчалъ Мартиніанъ. „Напередъ иди въ свою келлію, чтобы сотворить тамъ должную молитву и келья научитъ тебя всему“ сказалъ св. старецъ. По просьбѣ св. игумена, Мартиніанъ посвященъ былъ въ іеродіакона и потомъ въ іеромонаха. Пр. Кириллъ любилъ блаж. Мартиніана. Это возбуждало въ иныхъ зависть, язвившую Мартиніана оскорбленіемъ; Мартиніанъ терпѣлъ. По волѣ пр. Кирилла, Мартиніанъ списывалъ для него книги, а такое послушаніе преп. игуменъ назначалъ только двумъ ученикамъ Христофору и Мартиніану. По кончинѣ преп. Кирилла, блаж. Мартиніанъ удалился для безмолвія на безлюдный островъ оз. Вожа. Когда сюда стали собираться къ нему братія, онъ создалъ храмъ Преображеніе Господня и ввелъ чинъ общежитія. Братія Ѳерапонтовой пустыни, осиротѣвшіе по вызовѣ Ѳерапонта въ Можайскъ, умоляли пр. Мартиніана принять игуменство надъ ними; пустынникъ покорился призыву любви. Онъ привелъ обитель Ѳерапонтову въ такое цвѣтущее состояніе, что она долго называлась обителью Мартиніановою. Сынъ князя Можайскаго, князь Михаилъ Андреевичъ, жившій въ Бѣлозерьѣ, много помогалъ Мартиніану въ средствахъ къ поддержанію и украшенію обители. Болѣе же всего Мартиніанъ возвысилъ обитель строгимъ сохраненіемъ иноческихъ правилъ. Какъ пчелы слетаются на медовые цвѣтки, такъ стекались къ Мартиніану міряне и иноки слушать его наставленія и видѣть жизнь, устроявшуюся по святымъ его мыслямъ.

В. кн. Василій Темный, возвративъ себѣ, по совѣту и благословенію преп. Мартиніана, Московскій престолъ, отнятый насиліемъ Шемяки, полюбилъ св. старца, поручилъ ему настоятельство въ лаврѣ Сергіевой, дозволялъ говорить себѣ правду и слушался его совѣтовъ. Но обитель, близкая къ столицѣ, тяготила пустынника; онъ припоминалъ себѣ слова наставника своего пр. Кирилла: „добро иноку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмущать чувства.“ Съ другой стороны, желалъ онъ докончить устроеніе внутренняго порядка въ любезной ему Ѳерапонтовой обители. Тамъ приняли богоноснаго старца съ великою радостію, какъ ангела Божія, и упросили его (въ числѣ упрашивавшихъ былъ и игуменъ Филоѳей. въ послѣдствіи святитель Пермскій), принять опять управленіе обителью. Онъ устроилъ здѣсь чинъ монашеской жизни, занявъ иное изъ устава Кирилловой обители, а другое изъ чина Сергіевой. Къ старцу высокой духовной опытности спѣшили приходить за совѣтами и онъ съ любовію преподавалъ ихъ. Ученикъ Кирилла и собесѣдникъ Ѳерапонта много назидательнаго изъ жизни ихъ сообщалъ слушателямъ своимъ. Такъ слушалъ его жизнеописатель святыхъ, Пахомій Сербъ, который отзывается о немъ съ похвалами, какъ о мужѣ высокой духовной жизни. Преп. Мартиніанъ достигъ старости глубокой, но не оставлялъ ни келейнаго правила, ни церковной службы. Онъ преставился 12 января 1483 года, на 86 году жизни, проживъ 28 лѣтъ въ Ѳерапонтовѣ, по увольненіи изъ лавры Сергіевой.

Несмотря на запустѣніе обители преп. Ѳерапонта, храмы ея сохранились въ цѣлости и поддерживаются усердіемъ причта и прихожанъ. Длинная галлерея или паперть, надъ которою возвышается шатровая колокольня, соединяетъ зимнюю церковь Благовѣщенія, устроенную въ бывшей трапезѣ монастырской, съ лѣтнимъ соборомъ Рождества Богородицы, созданнымъ (какъ видно по надписи, изсѣченной на западной стѣнѣ, у входа во храмъ) въ 7043 (1535) году. Здѣсь высокій иконостасъ примѣчателенъ сим-

волическими своими иконами, временъ патріарха Никона. Сошествіе во адъ Господа для изведенія праотцевъ, изображено съ начертаніемъ различныхъ страстей, влекущихъ въ бездну: скорбь, отчаяніе, неразуміе, величаніе, сквернословіе, скупость и тому подобное. Все это написано на днѣ геенны и, въ противуположность погибельнымъ страстямъ, Ангелы держатъ по сторонамъ Господа хартіи съ надписаніемъ добродѣтелей, возносящихъ насъ къ небу: смиреніе, кротость, терпѣніе, мудрость, милостыня и проч. Достойна также вниманія икона Богоматери, такъ называемая Ангельскій соборъ: вокругъ Пресвятой Дѣвы, ликъ Ангеловъ поетъ Ей божественный гимнъ пѣснопѣвца Іоанна Дамаскина: „О Тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣческій родъ"; а внизу, подъ ликомъ безплотныхъ, изображенъ весь родъ человѣческій въ созерцаніи Царицы небесной; сочинитель же священныхъ гимновъ святый Дамаскинъ, въ бѣломъ куколѣ, подноситъ Ей на хартіи другую пѣснь: „Мати убо позналася еси, паче естества, Богородице."

Сохранились еще неприкосновенными, въ древнемъ ихъ видѣ, нѣкоторыя иконы: храмовая Рождества Богоматери, Троицы съ богатыми цатами, двухъ преподобныхъ Кирилловъ, Ѳерапонта и Мартиніана. Мѣстная икона Одигитріи опалена молніею; въ верхнихъ же ярусахъ иконы, къ сожалѣнію, всѣ уже замѣнены новыми. Внутри алтаря есть тѣсный придѣлъ Святителя Николая съ древнею его иконою.

Къ собору пристроена церковь во имя преподобнаго Мартиніана, надъ самою его гробницею, которая сперва находилась вѣроятно снаружи, а теперь внутри — у сѣверной стѣны. Священная рака окована серебромъ и по краямъ ея вычеканено время ея устройства: „лѣта 7151 (1643) 17-е марта (это день Ангела царскаго, Алексія человѣка Божія), при державѣ Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руси, при святѣйшемъ патріархѣ Іоасафѣ".—Въ четырехъ кругахъ на ракѣ, изображено время преставленія преподобнаго, время прославленія мощей его

и два исцѣленія, бывшія при его гробѣ: инока Памвы, одержимаго тяжкимъ недугомъ, и женщины села Суслова, по имени Акилины бѣснуемой, которая видѣла, какъ преподобный поражалъ духа нечистаго, ее томившаго. Надъ ракою стоятъ древнія складни, образъ Страстной Богоматери, въ богатомъ окладѣ, по мѣстному преданію, принадлежавшій архіепископу Ростовскому Іоасафу, ученику преп. Мартиніана, погребенному здѣсь, въ ногахъ у блаженнаго наставника. Святитель Іоасафъ, въ мірѣ князь Исаакъ Михайловичъ Оболенскій, въ ранней молодости, отрекінйся отъ почестей знатнаго рода, постриженникъ и, послѣ преп. Мартиніана, игуменъ Ѳерапонтовскій, недолго архипастырствовалъ и провелъ остальную жизнь въ подвигахъ на мѣстѣ своихъ иноческихъ обѣтовъ. Онъ преставился въ 1514 году. Когда хотѣли погребсти Іоасафа подлѣ преп. Мартиніана, совершилось чудное явленіе. Игуменъ и братія со страхомъ начали разгребать землю, насыпанную надъ гробомъ угодника Божія и съ изумленіемъ обрѣли тѣло его, совершенно нетлѣннымъ, такъ что не повредилась и самая одежда, хотя весь гробъ его наполненъ былъ водою, какъ это случилось и при обрѣтеніи мощей великаго чудотворца Сергія. Эта вода послужила къ исцѣленію многихъ болящихъ, и съ тѣхъ поръ начали истекать чудеса отъ раки преподобнаго, для врачеванія вѣрующихъ отъ различныхъ недуговъ.

Въ томъ же храмѣ погребено тѣло блажен. Галактіона. Онъ былъ ученикомъ преп. Мартиніана; жилъ у него въ кельѣ, и когда старецъ по дряхлости уже не могъ самъ ходить въ храмъ, Галактіонъ носилъ его туда на плечахъ. Богоносный наставникъ, зная настроеніе души его и тайные подвиги, благословилъ ученику своему, по его желанію, юродствовать. Галактіонъ тайными подвигами достигъ высокаго совершенства. Однажды братія взошли въ вновь построенную трапезу и стали хвалить ее: „хороша да недолговѣчна,“ сказалъ Галактіонъ. На другой день трапеза сгорѣла. У одного брата загорѣлась келлія и пламя распространилось по обители. Когда пожаръ захватилъ кел-

лію архіепископа Іоасафа, престарѣлый святитель скорбѣлъ, что погибнетъ въ ней одна дорогая вещь, принадлежащая монастырю. Галактіонъ, услышавъ, что это собственность обители, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросился въ пылавшую келлію, вынесъ оттуда вещь, и сказалъ святителю: „вотъ она, не тужи, зачѣмъ тужить о пустомъ?“ Опасность пожара грозила колокольнѣ; сбѣжавшіеся сторонніе люди хотѣли снимать колокола, но Галактіонъ прогналъ всѣхъ, говоря: „этому не горѣть“. И точно колокольня осталась цѣла. Преп. Галактіонъ, послѣ наставника своего, еще прожилъ болѣе 20 лѣтъ въ обители, служа примѣромъ строгой жизни и по временамъ подкрѣпляя ослабѣвавшихъ. Кончина преп. Галактіона послѣдовала въ 1506 году.

При выходѣ изъ обители Ѳерапонтовой, равно какъ и при входѣ, невольно встрѣчаетъ и провожаетъ пришельца память о Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, потому что онъ прославилъ это мѣсто долгимъ своимъ заточеніемъ. Тутъ испыталъ онъ въ началѣ всю строгость неволи, почти темничную, потому что сперва даже заложены были желѣзными затворами окна его келлій, однако въ непродолжительномъ времени получилъ онъ и ослабу отъ незаслуженыхъ томленій; Никонъ даже началъ пользоваться совершенною свободою и многими льготами, по личной къ нему любви кроткаго царя Алексія, который никогда не питалъ къ нему непріязни, несмотря на происки бояръ. Искренно желалъ онъ примиренія, хотя и тайнаго, съ бывшимъ своимъ другомъ и крестнымъ отцемъ всѣхъ своихъ дѣтей, а Никонъ, по его желанію, вскорѣ по пріѣздѣ въ монастырь, написалъ миролюбивую грамоту царю и всему царскому семейству, въ которой однако по прежнему называлъ себя патріархомъ.

Милостыня царская, утварь церковная, деньги и съѣстные припасы, въ видѣ поминокъ, то радостныхъ, то печальныхъ, часто посылались къ бывшему патріарху. По приказанію Государя выстроены были для него новыя обширныя келліи, съ 25 жилыми покоями и деревянными пе-

реходами на стѣнѣ, въ 30 саженъ длины, къ надворотной крестовой церкви. По своему властительному характеру, Никонъ можно сказать, былъ полнымъ распорядителемъ въ мѣстѣ своего заточенія; игуменъ монастыря и братія, и даже самые стрѣльцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святѣйшимъ, потому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяетъ въ окружающихъ человѣкъ геніальный и твердый волею. Никонъ всегда любилъ труды подвижническіе, когда еще былъ патріархомъ, еще болѣе сталъ онъ трудиться въ Ѳерапонтовѣ. Самъ онъ, съ своею прислугою и бывшею при немъ братіею, разчистилъ по другую сторону озера, лѣсистый участокъ на урочищѣ, называемомъ Лещово, развелъ тамъ два обширныхъ огорода и разработалъ поле для хлѣба и овса. Лошадей и домашній скотъ требовалъ онъ изъ обители Кирилловой и не всегда легко было его удовлетворить; такъ, когда однажды прислали ему изъ Кириллова сѣрую лошадь, для верховой ѣзды по окрестностямъ, онъ возвратилъ ее, какъ слишкомъ цвѣтистую и по масти неприличную для его сана. Иногда, вмѣсто годовыхъ припасовъ, которые ему должно было получать изъ сосѣднихъ монастырей, требовалъ онъ денегъ въ замѣнъ ихъ. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности и тѣмъ умножалось его вліяніе; народъ къ нему стекался отовсюду, не только за денежнымъ пособіемъ, на которое Никонъ былъ весьма щедръ, но и за лекарствами и для молитвъ его, потому что бывшій патріархъ читалъ молитвы надъ болящими, особенно надъ бѣснуемыми, помазывая ихъ елеемъ, и нѣкоторые исцѣлялись, какъ онъ самъ письменно извѣщалъ о томъ царя. Никонъ, монахъ и узникъ, казалось, сталъ привыкать къ своей долѣ, не ожидая ничего лучшаго. Вдругъ нечаянная кончина кроткаго царя жестоко напомнила ему о его узахъ; можетъ быть такое тяжкое испытаніе нужно было для великой души Никона, чтобы окончательно отрѣшить отъ всего земнаго и сдѣлать его достойнымъ той Голгоѳы, подъ которою избралъ себѣ мѣсто послѣдняго покоя. Давно уже

слишкомъ привольное его положеніе въ Ѳерапонтовѣ приводило въ страхъ недоброжелателей его въ столицѣ; тамъ старались представить его опаснымъ, даже и въ самомъ заточеніи, распускали молву о мнимыхъ его сношеніяхъ съ волжскимъ атаманомъ Стенькою Разинымъ, не охотно смотрѣли на множество народа, къ нему стекавшагося въ монастырь; келейныя посѣщенія людей, всякаго званія и пола возбуждали неблаговидное подозрѣніе и, быть можетъ, въ этомъ былъ неосторожен Никонъ, слишкомъ строгій нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный къ людской молвѣ. Начались навѣты отъ бѣглаго келейника патріаршаго Іоны, который былъ строго наказанъ за нетрезвую жизнь, впрочемъ по суду монастырскому; Іона разсказалъ о крестахъ, какіе ставилъ Никонъ на озерѣ, съ титуломъ патріаршимъ и съ жалобою на свое заточеніе. Тогда, по волѣ патріарха Іоакима, Никонъ былъ переведенъ въ болѣе строгое заточеніе - въ Кирилловъ монастырь.

Теперь нѣтъ уже келлій Никона въ Ѳерапонтовѣ, хотя цѣла еще надворотная церковь, къ которой онѣ примыкали переходами, и сохранилась дверь, которая вела на переходы. Послѣднія бревна изъ стѣнъ жилища патріарха-узника недавно употреблены на постройку сельской школы.

Поклонившись гробницамъ преп. Мартиніана и достойныхъ учениковъ его, я пожелалъ, на другой день, посѣтить древнюю обитель Горицкую-Воскресенскую.

Не болѣе шести верстъ отъ Кириллова до Горицъ. Излучистая дорога пролегаетъ сперва вдоль величественнаго озера Сиверскаго, а потомъ лѣсистыми пригорками весьма живописными, огибая высокую гору поросшую лѣсомъ, Мауру, которая господствуетъ надъ живописною долиною Шексны. На берегу этой тихой рѣки, въ одномъ изъ своенравныхъ ея изгибовъ, притаилась у подошвы Мауры, скромная обитель инокинь; отъ такой мѣстности и самая обитель прозвалася Горицами. Но это безбурное нынѣ пристанище, откуда, какъ изъ чистаго многоводнаго источника, непрерывно почерпаютъ духовную струю окре-

стныя обители, чрезъ избираемыхъ отселѣ настоятельницъ,—эта мирная обитель, отъ самого своего начала, долгое время была мѣстомъ плача и царственной скорби великихъ земли, невольно здѣсь постригаемыхъ или заточаемыхъ. Горицы были, подобно Кириллову, во дни грознаго Іоанна и позже, исключительнымъ мѣстомъ ссылки для княжескихъ и царственныхъ инокинь.

Неизвѣстно, когда и кѣмъ основана обитель на Горицахъ, но первая горько обновила здѣсь заточеніе инокиня Евдокія, бывшая въ мірѣ княгиня Старицкая Евфросинія. Она, во дни своей славы, будучи супругою меньшаго изъ сыновей Великаго Іоанна, посѣтила Бѣлозерье, принадлежавшее къ удѣлу ея мужа и соорудила на Горицахъ первую каменную церковь, доселѣ существующую, во имя Воскресенія Христова. Не думала тогда честолюбивая княгиня, тетка царя Іоанна Васильевича, хотя уже испытанная бѣдствіемъ во время его малолѣтства, что облагодѣтельствованная ею дѣвичья обитель Воскресенская, на дальнемъ сѣверѣ, будетъ для нея темницею: но такая горькая судьба здѣсь ее ожидала. Когда во время болѣзни Іоанновой, не состоялись ея честолюбивые замыслы, она вынуждена была сперва клятвенно отказаться отъ всякихъ притязаній, для сына своего, на вѣнецъ царскій. Потомъ, по кончинѣ кроткой царицы Анастасіи, когда уже предначиналась страшная гроза Іоаннова, княгиня постриглась, волею или неволею, въ одно время съ своею племянницею, вдовою царскаго брата Юрія, и еще со всею пышностію двора княжескаго, сопровождена была въ Горицы, отколѣ посылала богатые вклады въ сосѣднюю обитель Кириллову. Это было въ 1568 году, а шесть лѣтъ спустя, княгиня инокиня Евдокія, по волѣ грознаго царя. утоплена была въ мимотекущей Шекснѣ, вмѣстѣ съ племянницею своею Іуліаніею, въ иночествѣ Александрою, въ виду украшенной ею обители. Но гнѣвъ Іоанновъ не помѣшалъ воздать имъ послѣдній долгъ, и обѣ княгини — страдалицы погребены были противъ алтаря соборнаго,

въ особой часовнѣ, гдѣ часто надъ ихъ гробами служили панихиды.

Протекло немного лѣтъ, и на Горицахъ явилась другая именитая узница, вдова мучителя Евфросиніи, осиротѣвшая царица Марія, въ инокиняхъ Мареа, которая только что лишилась сына своего св. страстотерпца царевича Димитрія, убіеннаго въ Угличѣ, и неволею была пострижена въ Череповской обители святителя Николая, что на Вексѣ. Она, отъ времени до времени, посѣщала Горицы и тамъ устроила два придѣла въ соборной церкви, во имя Богоматери Одигитріи, путеводительницы на бѣдственномъ морѣ житейскомъ, и преп. Кирилла Бѣлозерскаго, какъ ближайшаго покровителя пустыннаго ея заточенія. Горицкая обитель не мало видѣла въ стѣнахъ своихъ и другихъ именитыхъ жертвъ честолюбія людскаго: при царѣ Борисѣ Годуновѣ, когда онъ воздвигъ гоненіе на Романовыхъ, по родству ближайшихъ къ престолу, бояринъ Өедоръ Никитичь, будущій патріархъ, былъ постриженъ неволею въ Сійскомъ монастырѣ; супруга его, инокиня Мареа, въ одномъ изъ Заонежскихъ погостовъ; сынъ ихъ, будущій царь, тогда еще отрокъ, Михаилъ, былъ заточенъ въ Горицы, вмѣстѣ съ теткою, женою князя Бориса Черкасскаго. Такъ эта обитель была свидѣтельницею отроческихъ слезъ его и отсюда переселился онъ въ Костромскія свои отчины, гдѣ вскорѣ ожидало его избраніе на царство. Едва только возвращены были изъ заточенія царица Марія и Романовы, какъ ихъ смѣнила тамъ на время другая жертва,—дочь ихъ гонителя Годунова, прекрасная Ксенія, опозоренная Лжедимитріемъ и сосланная имъ въ Бѣлозерье. Казалось уже такая была участь Горицъ, что въ ихъ оградѣ всѣ державные гонители платили собственными присными жертвами, за пролитую ими кровь, или за гонимыхъ въ сей пустынѣ. Думаютъ что нѣсколько времени прожила здѣсь инокиня Екатерина, бывшая царица Марія, супруга Василія Шуйскаго.

Вотъ какія воспоминанія сопровождаютъ путника при входѣ въ смиренную обитель, которая теперь уже не

страшитъ превратностями судебъ, ниспосылаемыхъ сильнымъ земли, но служитъ образцомъ для дѣвичьихъ монастырей и разсадникомъ благочестивыхъ, образованныхъ настоятельницъ.

Всѣмъ нынѣшнимъ своимъ благоустройствомъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, Горицы обязаны одной досточтимой и приснопамятной своей настоятельницѣ, игуменьѣ Маврикіи. Я не стану теперь описывать вамъ подвиговъ 45-лѣтняго настоятельства этой дивной старицы, которая ввела здѣсь полное общежитіе, руководствуясь наставленіями Новоезерскаго архимандрита Ѳеофана. Надѣюсь и сообщить вамъ для Душ. Чт. очеркъ жизни матери игуменіи Маврикіи и нѣсколько писемъ къ ней покойнаго отца Ѳеофана.

Древній храмъ Воскресенія Христова, сооруженный въ 1544 году, сохранилъ вполнѣ свой древній видъ. Особенно замѣчательны въ немъ два придѣла: одинъ изъ нихъ устроенъ въ 1611 году царицею инокинею Марѳою, матерью св. страстотерпца царевича Димитрія, вскорѣ по прославленіи мощей его. Ликъ его на храмовой иконѣ, присланный царицею и списанный, безъ сомнѣнія, еще съ живаго царевича, напоминаетъ безутѣшный плачъ матери, лишившейся своего единственнаго утѣшенія и вмѣстѣ небесную славу блаженнаго ея отрока. Другой придѣлъ во имя св. великомученицы Екатерины устроенъ другою царственною инокинею, супругою Шуйскаго.

На мѣстѣ часовни, бывшей надъ могилою двухъ утопленныхъ княгинь, покойная игуменья Маврикія воздвигла огромный, прекрасный, двухъ-ярусный храмъ съ хорами. Здѣсь отвсюду слышно и видно богослуженіе, а изъ большихъ оконъ на хорахъ открываются чудные виды на Шексну: красота природы, созданной Богомъ, достойно окружаетъ красоту храма Создателя вселенной. Церковь расписана превосходно руками даровитыхъ инокинь Горицкихъ; нѣкоторыя иконы украшены вышитыми ризами здѣшней же работы. Особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ плащаница, подаренная монастырю императоромъ

окружности, совершенно открыта. Здѣсь лежитъ огромный камень, какихъ встрѣчаешь много въ нашей сѣверной природѣ и на немъ означенъ какъ будто слѣдъ ступни человѣческой. Народное преданіе говоритъ, что это слѣдъ ноги самого преп. Кирилла; что здѣсь-то, послѣ многихъ странствій по землямъ Бѣлозерскимъ, остановился онъ; что отсюда въ первый разъ взоръ его достигъ того мѣста, котораго искалъ онъ для обители и въ которомъ наконецъ олицетворилось его святое видѣніе; что здѣсь, утомленный и восторженный, палъ онъ на землю со слезами благодарности къ Пречистой Богородицѣ, еще прежде указавшей ему это мѣсто въ дивномъ видѣніи.

Никогда чувство изящной природы не бываетъ для насъ такъ полно и сладко, какъ въ то время, когда оно освящается благодатнымъ чувствомъ вѣры, и самое небесное чувство вѣры никогда не бываетъ въ насъ такъ живо, какъ въ тѣ минуты, когда нисходитъ до освященія земныхъ предметовъ, намъ болѣе доступныхъ и близкихъ, чѣмъ духовные. Въ книгахъ преп. Кирилла я видѣлъ, что онъ не чуждъ былъ стремленія разумно объяснять явленія природы. Здѣсь вершина горы Мауры убѣдила меня въ томъ, что онъ любилъ красоты Божія міра, какъ созданія благости и премудрости Божіей; что вѣра не изгоняла въ немъ нисколько чувства изящной природы, а напротивъ освящала это чувство высшимъ осѣненіемъ благодати.

Мнѣ предстояла еще третья, послѣдняя поѣздка изъ Кириллова за 15 верстъ, въ пустынь преп. Нила Сорскаго. По веселымъ холмамъ и долинамъ пролегаетъ извилистый путь до лѣсистой, болотистой дебри, которая привлекла къ себѣ любителя безмолвія Нила. На опушкѣ лѣса виднѣется крестъ. Здѣсь начало пустыни Ниловой; отсюда малопроѣзжая дорога, по хворосту, проложена чрезъ болото въ чащу лѣса, по теченію смиренной рѣчки Сорки, которая дала свое названіе пустынѣ и самому отшельнику. Осенью и весною непроходима эта дорога, а въ прежнія

времена одни только пѣшеходы могли тутъ пробираться по мосточкамъ.

Къ сожалѣнію, не сохранилось полнаго житія великаго отца Русской Церкви, преп. Нила. Онъ былъ изъ дворянскаго рода Майковыхъ, и положилъ начало иноческой жизни въ Кирилловой обители, гдѣ пользовался совѣтами мудраго и строгаго старца Паисія Ярославова. Спустя нѣсколько времени, онъ пошелъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудникомъ, монахомъ Иннокентіемъ, къ святымъ мѣстамъ восточнымъ, и нѣсколько лѣтъ провелъ на Аѳонской горѣ и въ монастыряхъ Константинопольскихъ. Въ это особенно время онъ напиталъ духъ свой наставленіями великихъ отцевъ пустынныхъ: Исаака Сирина, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, и другихъ, которые путемъ внутренняго очищенія и непрестанной молитвы, совершаемой умомъ въ сердцѣ, достигли свѣтоносныхъ озареній Духа Святаго. Душеспасительные уроки сихъ богомудрыхъ отцевъ не только изучилъ онъ умомъ и сердцемъ, но и обратилъ въ жизнь и постоянное упражненіе. Въ числѣ учениковъ его были князь-инокъ Вассіанъ Косой, инокъ Діонисій изъ рода князей Звенигородскихъ, и Нилъ Полевъ, изъ рода князей Смоленскихъ. Всѣ они прославились строгостію жизни и вмѣстѣ съ богоносным наставникомъ своимъ предлагали на Соборахъ совершенную нестяжательность, какъ необходимое условіе для иноческой жизни, доказывая, что монастыри не должны владѣть селами.

Какъ для себя, такъ и для учениковъ своихъ, преп. Нилъ поставилъ правиломъ не общежительное житіе, а строгое скитское (аскетское). При построеніи храма надлежало сдѣлать на болотистой почвѣ высокую насыпь, тѣмъ болѣе, что подъ церковью назначалась братская усыпальница. Руками богомудраго старца и жившихъ при немъ скитниковъ насыпанъ былъ высокій холмъ для храма и усыпальницы. Кельи поставлены на возвышеніяхъ; каждая отъ другой и отъ храма на растояніи брошеннаго камня. Скитники собирались въ храмъ свой, по примѣру восточныхъ только по субботамъ, воскресеньямъ

я праздникамъ; въ прочіе дни каждый молился и трудился въ своей кельѣ. Преп. Нилъ, не желая никакого стяжанія для своего скита, поставляетъ милостыню духовную несравненно выше тѣлесной. „Иноческая милостыня, говоритъ онъ, помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить его въ скорби разсужденіемъ духовнымъ: духовная милостыня на столько выше тѣлесной, на сколько душа выше тѣла. А если странникъ придетъ къ намъ, успокоимъ его по силѣ нашей, дадимъ ему хлѣба и отпустимъ его“. Вниманіе братіи Нилъ особенно обращаетъ на внутреннее дѣланіе. „Умная молитва выше тѣлесной, по слову Апостола, хощу пять словъ умомъ моимъ рещи, неже тьму словъ языкомъ. Тѣлесное дѣланіе, по словамъ св. Агаѳона, только листъ, а внутреннее, т. е. умное—плодъ. Отцы сказали: кто устами только молится, объ умѣ же не брежетъ, тотъ воздуху молится: Богъ же уму внимаетъ. Кто видитъ молитву, дѣйствующую въ сердцѣ своемъ и не перестающую изливаться, тотъ да не оставитъ ея для пѣнія, развѣ только сама молитва оставитъ его: ибо оставляя Бога внутри, онъ сталъ бы призывать Его извнѣ, отъ высокихъ преклоняясь къ низшимъ. Отцы предписывали болѣе всего упражняться въ молитвѣ, а когда почувствуешь лѣность и охлажденіе, пѣть, или читать дѣятельныя отеческія житія“.

Кромѣ молитвы, которая ведетъ къ высокому духовному состоянію, необходимо еще разумное и изящное бореніе съ осьмью помыслами, излѣдованіе о которыхъ, равно и о борьбѣ съ ними, составляетъ главную цѣль подвижничества. Преп. Нилъ приводитъ весьма много психологическихъ наблюденій надъ этими помыслами. Онъ излагаетъ всю постепенную лѣствицу обращенія помысла въ страсть. Первую степень называетъ онъ прилогомъ: это есть самое объявленіе помысла уму, которое собственно, какъ и самый помыслъ, отъ насъ не зависитъ. Вторая степень, или второй моментъ, есть счетаніе, т. е. отвѣтъ нашего ума на его явленіе, сглаголаніе къ явившемуся, пріятіе помысла, бесѣда съ нимъ, но еще не заключающая въ себѣ никакаго къ нему склоненія. Третій

моментъ, сложеніе, есть уже преклоненіе души къ помыслу, уступка ему въ бесѣдѣ, сочувствіе. Четвертый—плѣненіе есть продолжительное совокупленіе съ помысломъ, которое, наконецъ, переходитъ уже въ пятую высшую степень—страсть, совершенно одолѣвающую человѣка.

Первое правило святыхъ Отцевъ въ этой духовной борьбѣ со страстями отсѣкать самые помыслы на первой ихъ степени, въ прилогѣ; ибо кто прилогу помысла сопротивляется, тотъ за разъ навсегда его отсѣкаетъ.

Такимъ образомъ преп. Нилъ учитъ человѣка бороться съ чревообъяденіемъ, сластолюбіемъ, сребролюбіемъ, гнѣвомъ, печалью, уныніемъ, тщеславіемъ и гордостію. Возьмемъ для примѣра наставленія преп. Нила о борьбѣ съ сребролюбіемъ — господствующимъ порокомъ нынѣшняго времени: „Недугъ сребролюбія не принадлежитъ къ природѣ человѣка, но происходитъ отъ маловѣрія и неразумія. А потому внимающіе себѣ со страхомъ Божіимъ и ищущіе спасенія имѣютъ противъ сего недуга вѣрное врачевство—надежду на Бога. Если же помыслъ сребролюбія укрѣпится въ насъ, онъ бываетъ злѣе всѣхъ прочихъ; приводитъ покаряющихся ему въ такую пагубу, что Апостолъ называетъ его не только корнемъ всякаго зла, гнѣва и скорби, но даже идолослуженіемъ. Ибо многіе чрезъ сребролюбіе отпали отъ благочестиваго житія, потеряли вѣру, погибли душею и тѣломъ, какъ видимъ изъ примѣровъ въ св. Писаніи. Отцы говорятъ: „Собирающій серебро и золото съ упованіемъ на богатство свое, не вѣруетъ, что Господь печется о немъ. Если кто связанъ одною изъ двухъ тяжкихъ страстей — гордостію, или сребролюбіемъ — врагъ не ратуетъ противъ него никакою другою страстію, потому что одной изъ этихъ двухъ уже довольно, для погубленія человѣка". — И такъ должны мы всячески оберегаться отъ этой пагубной и душетлѣнной страсти, и молить Господа Бога, да удалитъ Онъ отъ насъ духъ сребролюбія. Мы не должны имѣть не только золота, серебра или имѣній, но и никакихъ вещей многоцѣнныхъ и украшенныхъ, и въ одеждѣ и въ обуви и въ строеніи келій, и во всѣхъ

потребностяхъ жизни должны мы соблюдать крайнюю простоту и убожество, чтобы не впасть въ мірскую суету. А истинная побѣда надъ сребролюбіемъ и вещелюбіемъ состоитъ въ томъ, чтобы не только не имѣть имущества, но и не желать никакого пріобрѣтенія. Такая нестяжательность наставляетъ насъ въ чистотѣ душевной.„

Такъ мыслилъ первоначальникъ Русскихъ скитниковъ, такъ писалъ онъ въ своемъ скитскомъ уставѣ и посланіи о помыслахъ, и на такихъ основаніяхъ онъ устроилъ скитъ свой — среди дебрей, почти непроходимыхъ, съ убогимъ деревяннымъ храмомъ, съ келліями, разсѣянными по лѣсу.

Мы приближались уже къ мѣсту подвиговъ преп. Нила. По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ чащу лѣса, привлекательнѣе представлялась намъ дубрава и понятнѣе влеченіе Нила въ его пустыню. Уже слышно было тихое журчаніе Сорки, изъ ручья образовавшей рѣчку по зеленой полянѣ, испещренной цвѣтами, между разступившагося съ обѣихъ сторонъ лѣса, и эта поляна все расширялась, подъ ропотъ растущей рѣки, которая далѣе уже шумѣла, вращая колеса уединенной мельницы, и привела насъ наконецъ къ самой обители.

Здѣсь ожидало меня грустное зрѣлище: я увидѣлъ обыкновенный монастырь, съ оградою, каменнымъ храмомъ, корпусомъ братскихъ келлій. Гдѣ же скитъ Сорскій, въ томъ видѣ, какъ соорудилъ его великій аскетъ? Не онъ ли отпустилъ собесѣдника своего Иннокентія, съ которымъ долго странствовалъ по Востоку, въ предѣлы Вологодскіе, чтобы тамъ составить себѣ общежительную обитель, желая чтобы Сорскій скитъ, тогда единственный на Руси, оставался всегда скитомъ, т. е. собраніемъ уединенныхъ келлій, разсѣянныхъ вокругъ пустынной церкви? Не онъ ли явился, въ сонномъ видѣніи, державному богомольцу Іоанну, когда, изъ Кириллова, посѣтилъ онъ убогій скитъ преп. Нила и съ царскою щедростію хотѣлъ соорудить въ немъ великолѣпный храмъ? — Нилъ запретилъ ставить у

себя каменную церковь, или чѣмъ либо украсить существующія, кромѣ необходимаго, изъ опасенія хищниковъ плотскихъ и душевныхъ. Цѣлыя столѣтія оставалась въ такомъ первобытномъ видѣ его пустыня и не выходила изъ предначертаній своего основателя, касательно внѣшняго убожества, доколѣ, наконецъ, не была приписана къ Кириллову монастырю.

Пришло на мысль строгому, впрочемъ подвижнику, недавнему настоятелю приписной пустыни, основать въ ней каменную церковь, и не вспомнивъ завѣщанія основателя преобразовать дѣло рукъ Ниловыхъ. Онъ коснулся завѣтнаго холма, насыпаннаго святыми руками самого Нила и учениковъ его подъ основаніе церкви, и снялъ съ его вершины два деревянные храма, Срѣтенія Господня и Предтечи, чтобы на ихъ мѣстѣ соорудить одну каменную трехъ-престольную церковь, съ придѣломъ во имя преп. отшельника: но своды ея обрушились надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прежде стояла рака Угодника Божія поверхъ его могилы. И это указаніе не остановило неразумнаго усердія: снова заложили и наконецъ успѣли построить каменный храмъ; потомъ построили и каменныя кельи для настоятеля съ братіей. Воспоминаніемъ о преждебывшемъ скитѣ служитъ теперь только малый скитъ, за оградою монастыря, съ деревянною церковью, перенесенною изъ обители преп. Нила. Этотъ новый скитъ устроенъ о. схимонахомъ Ниломъ, бывшимъ игуменомъ Нилосорской пустыни Никономъ, будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла келлія преп. Нила. Но всѣ келліи древняго скита — и настоятельская и братскія — стояли на одномъ разстояніи отъ церковнаго холма, и подъ каждою изъ нихъ была небольшая насыпь. И теперь еще видны нѣкоторыя изъ этихъ насыпей, окружающихъ холмъ, на которомъ стоитъ новый храмъ, но скитъ, вновь устроенный, выходитъ далеко за черту древнихъ келлій.......

Поклонившись гробовой ракѣ дивнаго отшельника, съ грустнымъ чувствомъ возвратился я въ Кирилловъ, и спѣ-

шу передать Вамъ, многоуважаемый В. П., всѣ впечатлѣнія, собранныя мною въ послѣдніе дни. Если не слишкомъ обременяетъ васъ плодовитость моихъ писемъ, я пришлю вамъ еще одно — о монастырѣ преп. Кирилла Бѣлозерскаго.

Кирилловъ 29 Іюня 1867 года.

ПИСЬМО ПЯТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Окончивъ поѣздку на Сѣверъ и возвратившись къ своему семейству въ деревню, отдыхаю въ бесѣдѣ съ вами, многоуважаемый В. П. Постараюсь передать вамъ впечатлѣнія, которыя вынесъ я изъ знаменитой обители преп. Кирилла Бѣлозерскаго, составлявшей главную цѣль нынѣшняго моего паломничества.

Еще издали, за 10 верстъ, внезапно является предъ взорами путника бѣлокаменная обитель Кириллова, вся обнесенная высокими башнями, какъ бы нѣкій Кремль, возникающій изъ водъ озера Сиверскаго. Проѣхавъ небольшой уѣздный городъ Кирилловъ, составленный, въ 1775 году, изъ монастырскихъ слободъ и теперь еще болѣе похожій на сельскую слободу, нежели на городъ, я смотрѣлъ, съ невольнымъ удивленіемъ, на столпостѣны древней твердыни, которыя напоминали мнѣ, по своей высотѣ и огромности, ограду лавры Сергіевой. Не только въ наружномъ видѣ и размѣрахъ, но и въ историческомъ значеніи обѣихъ обителей поразительное сходство: изъ той и другой выходили мужи-подвижники, насадители иночества, та и другая служили цѣлію богомольныхъ походовъ царскихъ и паломничества безчисленнаго множества богомольцевъ, та и другая, въ тяжкую годину междуцарствія, устояли противъ полчищъ Ляховъ и Русскихъ измѣнниковъ. Но обитель великаго Сергія была тогда оплотомъ для всего Русскаго царства, обитель ученика его — только для сѣверной окраины Русской земли.

Предъ воротами монастыря, также какъ и въ Сергіевой лаврѣ, обширная площадь. Но въ Кирилловѣ, по обѣимъ сторонамъ воротъ, продѣланы въ оградѣ двѣ двери: на право дверь заперта и передъ ней прохаживается на часахъ гарнизонный солдатъ: это уѣздный тюремный замокъ или острогъ въ нижнемъ ряду трехъ-ярусной огра-

ды. Налѣво отъ воротъ, въ томъ же нижнемъ этажѣ, чистыя и спокойныя комнаты для богомольцевъ, съ окнами на первый, внѣшній дворъ монастыря. Въ лучшей изъ этихъ комнатъ я провелъ нѣсколько тихихъ, пріятныхъ дней.

Когда войдешь въ ворота, невольно удивишься при видѣ огромнаго пустыря, еще недавно бывшаго хлѣбнымъ полемъ. Кругомъ всей стѣны зіяющая пустота двухъ рядовъ аркъ, гдѣ бывало прежде до 700 жилыхъ келлій. Пустырь внѣ монастыря, хотя и на первомъ дворѣ его, наводитъ невольно уныніе, и грустно первое впечатлѣніе обители. Впереди тянется другая внутренняя ограда, составленная уже собствено изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ въ свое время келліями, а теперь большею частію запустѣвшихъ. Въ лѣвомъ углу, около самой стѣны, подымается высокій одинокій холмъ, съ двумя на немъ церквами и часовнями, осѣненный вѣковыми деревьями и отдѣленный также невысокою оградою; это былъ особый монастырь Ивановскій, основанный по случаю рожденія царя Іоанна, въ честь его ангела. Но не память Іоанна составляетъ главное достоинство этого убогаго, по видимому, участка великой обители Кирилловой: это мѣсто первыхъ подвиговъ преподобнаго ея основателя, этотъ смиренный холмъ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ его первоначальную пещерную келлію.

Читателямъ Душеполезнаго Чтенія хотя отчасти знакомо уже житіе преп. Кирилла (по моимъ „разсказамъ изъ Исторіи Русской Церкви“), а потому я не стану здѣсь описывать подвиговъ неусыпнаго труженика. Повинуясь дивному гласу, назначившему путь въ страну Бѣлозерскую, преп. Кириллъ въ 1395 году оставилъ настоятельство Московскаго Симонова монастыря, гдѣ нѣкогда пользовался духовнымъ руководствомъ великаго наставника угодниковъ Божіихъ, Сергія, и достойнаго племянника его, Ѳеодора. Съ вершины Мауры узналъ онъ указанную ему мѣстность и поселился, вмѣстѣ съ другомъ и собесѣдникомъ своимъ, преп. Ѳерапонтомъ, въ нѣдрахъ этого са-

маго холма, въ выкопанной ими землянкѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, поставили они крестъ, срубленный святыми руками Кирилла.

Въ пустынномъ одиночествѣ, по разлукѣ съ Ѳерапонтомъ, труженикъ провелъ около двухъ лѣтъ, не видаясь ни съ кѣмъ, кромѣ крестьянъ Авксентія и Матвѣя, которые приносили ему сухой хлѣбъ. Послѣ того пришли изъ Симонова два инока, любимые Кирилломъ, а вслѣдъ за ними стали приходить многіе. Преп. Кириллъ увидѣлъ, что насталъ конецъ безмолвному его уединенію; въ 1397 году онъ построилъ храмъ въ честь Успенія Богородицы.

Теперь, на скатѣ Ивановскаго холма, омываемомъ малой рѣчкой Свирягой, которая протекаетъ черезъ монастырь, изъ Долгаго въ Сиверское озеро, стоятъ двѣ часовни. Древнѣйшая изъ нихъ, срубленная самимъ преп. Кирилломъ, когда онъ жилъ еще въ землянкѣ, весьма ветхая, не много болѣе 3 аршинъ въ длину и ширину, съ невысокою дверью и двумя волоковыми окнами — заключаетъ въ себѣ „моленье чудотворца Кирилла“ (по словамъ описныхъ книгъ монастырскихъ 1622 и 1718 года) — три креста деревянныхъ, изъ которыхъ два осмиконечныхъ и одинъ четвероконечный. Всѣ они совершенно ветхи, сильно изрѣзаны и изгрызены богомольцами. Въ недавнее время кресты покрыты футлярами. Передъ ними стоитъ древній деревянный подсвѣчникъ.

Другая часовня, рѣшетчатая, хотя также ветхая, далеко не современна первой, потому что въ описи 1718 года названа „новопоставленною надъ земляной кельей чудотворца“. Обѣ часовни покрыты, въ 1811 году, навѣсами на каменныхъ столбахъ.

Вотъ смиренный уголокъ, гдѣ началъ новые труды свои преп. Кириллъ! Уже шестидесятилѣтній старецъ, онъ снова вошелъ въ труженическую жизнь на новомъ мѣстѣ и еще 30 лѣтъ продолжалъ тяжкіе подвиги для славы Божіей и пользы ближняго.

На томъ же холмѣ стоятъ два храма — Предтечи и преп. Сергія. Первый изъ нихъ, съ придѣломъ преп. Ки-

рилла, сооруженъ въ 1532 году волею и иждивеніемъ в. к. Василія Ивановича, по случаю рожденія первенца его, въ послѣдствіи Грознаго царя. Храмъ преп. Сергія построенъ, по всей вѣроятности, царемъ Іоанномъ, который нѣкогда имѣлъ намѣреніе переселиться въ Кирилловъ. Потому и обитель могла получить отдѣльное образованіе и прослыла Ивановскою (или малымъ Ивановымъ монастыремъ), въ ожиданіи царственнаго инока, который водворился вмѣсто того въ слободѣ Александровской, съ дружиною опричниковъ. Быть можетъ и трапеза пристроена была на этотъ случай къ храму Сергіеву, и не далеко отъ него поставлены каменныя келліи, называемыя теперь больничными, въ которыхъ вѣроятно останавливался самъ Іоаннъ. Въ Сергіевской церкви весьма замѣчательна сѣверная дверь иконостаса, расписанная въ 1607 году однимъ здѣшнимъ монахомъ, скрывшимъ свое имя въ криптографической надписи; на этой двери изображены въ верхней части рай съ Божіею Матерію на престолѣ, окруженномъ ангелами и праотцами, подлѣ которыхъ стоитъ благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ рукахъ; пониже въ срединѣ человѣкъ привязанный къ столбу между раемъ и мукою, изгнаніе прародителей изъ рая, и лѣствица добродѣтелей съ восходящими по ней иноками; на нижней части представлена смерть праведника и смерть грѣшника.

Осмотрѣвъ Ивановскій холмъ, входимъ во внутренность великой и знаменитой обители преп. Кирилла, чрезъ святыя врата, украшенныя ликами великихъ подвижниковъ сѣверной Руси. Передъ нами древній соборный храмъ Успенія Богородицы, какъ бы сросшійся изъ нѣсколькихъ церквей, соединенныхъ въ одно священное цѣлое и увѣнчанный множествомъ куполовъ; эти храмы отчасти вросли уже въ землю, подъ гнетомъ вѣковъ, и тяжкій отпечатокъ столѣтій придаетъ особое величіе зданію, не украшенному благолѣпіемъ зодчества. Безъ многочисленныхъ своихъ пристроекъ соборъ Кирилловъ напоминаетъ Троицкій Сергіевъ, который также вросъ бы въ землю, еслибы

пе стоялъ на самой маковкѣ холма. Направо теплый Введенскій соборъ и подлѣ него старинное зданіе настоятельскихъ келлій; передъ нимъ стоятъ четыре огромные, маститые кедра. Мрачный видъ этихъ пришельцевъ Ливанскихъ соотвѣтствуетъ пустотѣ заглохшаго двора, гдѣ проростаетъ трава по бывшимъ тропамъ, отъ недостатка ходящихъ; видно, что богомольцевъ мало, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, и число братіи не велико, потому что въ братскихъ корпусахъ, на лѣвой сторонѣ отъ входа въ монастырь, много пустыхъ келлій, хотя уже сломано, за излишествомъ, нѣсколько жилыхъ зданій.

Церковь надъ могилою чудотворца Кирилла построена при царѣ Іоаннѣ, распространена и передѣлана при настоятельствѣ архимандрита Іакинѳа Карпинскаго въ 1780 году. Здѣсь подъ великолѣпною ракою, въ нѣдрахъ земли, а не открыто, почиваетъ столь великій свѣтильникъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Отецъ всѣхъ иночествующихъ на Востокѣ, великій Антоній, велѣлъ ученикамъ втайнѣ погребсти тѣло его, дабы избѣгнуть почитанія по кончинѣ, и мощи соименнаго ему родоначальника нашихъ иноковъ, въ Кіевѣ, такъ же не были никогда обрѣтены. Гробница преп. Кирилла долгое время оставалась даже внѣ храма, въ погребальной палаткѣ, такъ что царь Іоаннъ упрекалъ этимъ иноковъ Бѣлозерскихъ: „у васъ надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ! Воротынской въ церкви, а чудотворецъ за церковію; мимо чудотворца, надъ нимъ церковь“! По настоянію царскому была она построена, но и въ то время святыя мощи остались подъ землею. Сребрикованная рака, съ ликомъ на ней чудотворца и его дѣяніями, вычеканенными по сторонамъ, сохранилась отъ временъ царя Михаила Ѳедоровича. Бояринъ его, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, подъ именемъ Ѳеодосія постригшійся въ лаврѣ Кирилловой, соорудилъ эту раку, какъ значится на ея подписи, и украсилъ стѣннымъ писаніемъ самую церковь. Вѣнецъ около лика украшенъ драгоцѣнными камнями, а на дробницахъ, вокругъ верхней дски, изваяны преподобные Сергій и Ѳе-

рапонтъ, Θеодоръ освященный и Алексій человѣкъ Божій (ангелы боярина и царя, при которомъ онъ постригся, въ 1650 году). По тогдашнему времени, рака сія стоила до двухъ тысячъ рублей и достойна именитаго рода, который всегда отличался щедростію къ храмамъ Божіимъ.

У подножія этой священной гробницы, я обтекалъ мыслію труженическую жизнь богоноснаго подвижника. Живо представлялось мнѣ высокое значеніе смиреннаго старца въ земной его жизни, близкія отношенія преп. Кирилла къ тремъ сыновьямъ Донскаго: великому князю Василію Дмитріевичу и братьямъ его Юрію и Андрею. Первому изъ нихъ онъ внушалъ исполненіе обязанностей государя-христіанина; втораго смиренно молилъ не предпринимать путешествія въ Кириллову обитель, „чтобы не говорили люди: для Кирилла поѣхалъ князь". Особенно любилъ преп. Кириллъ младшаго изъ трехъ братьевъ, Андрея, своего удѣльнаго князя. Опытный въ духовной жизни старецъ подавалъ ему отеческіе совѣты: „Ты, государь, поставленъ отъ Бога властелиномъ надъ вотчинами твоими: смотри, чтобы судьи судили судъ праведно, какъ предъ Богомъ, не кривя; чтобы не было подлоговъ, поклеповъ и неправедной мзды. Не лѣнись ходить въ церковь; стой во храмѣ со страхомъ и трепетомъ, помышляя, что стоишь на небѣ, потому что церковь есть земное небо, гдѣ совершаются таинства Христовы. Наблюдай за собою, стоя въ церкви; не позволяй себѣ тамъ разговоровъ безполезныхъ и другимъ запрещай празднословіе въ церкви, чтобы не прогнѣвать Бога". Тому же кн. Андрею поручилъ преп. Кириллъ обитель свою, предъ блаженною своею кончиною (9 іюня 1427 года), заповѣдуя ему выгонять изъ монастыря нарушителей устава. Преп. Кириллъ не любилъ пріобрѣтать для монастыря своего селъ и деревень, хотя иногда и не могъ отвергать усердія державныхъ благотворителей. Нѣкто бояринъ Романъ, ежегодно присылавшій по 50 мѣръ ржи, вздумалъ обезпечить обитель богатымъ селомъ и прислалъ на него дарственную грамоту. Но преп. Кириллъ, получивъ грамоту, разсудилъ

такъ; „если станемъ имѣть села, выйдутъ заботы для братіи о землѣ, явятся поселенцы и рядники, безмолвіе иноческое нарушится“. Потому благотворителю посланъ былъ такой отвѣтъ: „тебѣ угодно, человѣкъ Божій, дать село въ домъ Богоматери на пропитаніе братіи; но вмѣсто 50 мѣръ ржи, которыя ты давалъ каждый годъ, отпускай намъ сто, если можешь,—мы будемъ довольны тѣмъ; а селами владѣй самъ,—для братіи они не полезны“. Тогда же одинъ изъ учениковъ чудотворца, Ѳеодосій, совѣтовалъ не отказываться отъ села, но услышалъ отъ аввы своего отвѣтъ: „при жизни моей не требую селъ, по смерти же моей, дѣлайте, какъ хотите“. Ѳеодосій подумалъ, что это сказалъ огорченный старецъ и оскорбился тѣмъ; а послѣ преставленія Кирилла сталъ скорбѣть, что навлекъ на себя неудовольствіе угодника Божія. Преп. Кириллъ, явившись игумену Мартиніану, поручилъ ему: „скажи брату Ѳеодосію, чтобы не скорбѣлъ и не докучалъ мнѣ болѣе; я противъ него ничего не имѣю“.

Спустя много лѣтъ по преставленіи преп. Кирилла, старцы Бѣлозерскіе, помня слова его, поддерживали на одномъ изъ Московскихъ Соборовъ мнѣніе, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть селами. Уставъ, данный богомудрымъ первоначальникомъ, долго и неослабно соблюдался въ обители его. По свидѣтельству преп. Іосифа Волоцкаго, одинъ настоятель Кирилловскій, поставленный изъ постриженниковъ другаго монастыря, пренебрегъ нѣкоторыя преданія и заповѣди чудотворца. Былъ въ то время въ монастырѣ старецъ святой жизни, по имени Досиѳей, прозваніемъ Невѣдомицынъ, съ другими старцами, которые также любили преданія преп. Кирилла и они нисколько не молчали, но возбраняли игумену; блаженный же Досиѳей столько пострадалъ отъ него, что даже неоднократно претерпѣлъ удары. Однажды, когда говорилъ онъ настоятелю, чтобы не развращалъ преданія святаго Кирилла, разгнѣванный игуменъ столкнулъ его съ помоста трапезной церкви, такъ что онъ упалъ замертво; но когда выздоровѣлъ, опять сталъ говорить настоятелю: что если хочетъ даже и смерти его

предать, но онъ не перестанетъ однако повторять ему тѣхъ же словъ. По удаленіи сего настоятеля, избрали другаго опять изъ чужаго монастыря; но тотъ, подобно первому пренебрегъ преданія святаго и, любя празднословіе, позволялъ себѣ разговаривать въ церкви на соборномъ пѣніи и за трапезой. Старцы, бывшіе въ то время, Илія Чапей, Игнатій Бурмакъ и другіе благоговѣйные подвижники, также ему въ этомъ возбраняли, хотя неоднократно, устремляясь на нихъ съ яростію, хотѣлъ бить жезломъ и даже иногда билъ, они не переставали обличать его, доколѣ, устыдившись своей жестокости, удалился отъ нихъ. Потомъ, во дни Геронтія митрополита, избрали себѣ игумена, который также началъ развращать преданія отеческія. Оскорбились старцы, но хотя и говорили ему о томъ наединѣ и соборно, однако онъ пренебрегалъ ихъ рѣчами. Тогда старѣйшіе всѣ бѣжали изъ монастыря, потому что не могли видѣть попираемыми преданія преп. Кирилла. Наконецъ уже князь, услышавъ о томъ, велѣлъ изгнать изъ монастыря самаго игумена и опять всѣ старцы собрались въ обитель. Такую любовь къ своимъ уставамъ умѣлъ, не только при жизни, но и по смерти, внушить ученикамъ своимъ великій подвижникъ; потому и обитель его, подобно Сергіевой, долгое время почиталась основнымъ камнемъ иночества для всего сѣвера нашего отечества. Первое ослабленіе устава началось отъ невольныхъ постриженниковъ, бояръ Грознаго царя. Самъ царь упрекалъ въ томъ игумена Косму и всю братію Кирилловскую ѣдкимъ посланіемъ, въ которомъ выразился весь характеръ Іоанна. Какъ бы забывая, что онъ самъ, ссылая бояръ въ Кирилловъ, сдѣлался виновникомъ возникшихъ тамъ безпорядковъ, царь писалъ: „Какого плача и скорби достойно ослабленіе иноческаго житія! Ради Шереметева (въ иночествѣ Іоны) учинилось у васъ нарушеніе чудотворцевыхъ преданій. Теперь у Іоны десятый холопъ ѣстъ у себя лучше, чѣмъ вся братія въ трапезѣ. Великіе свѣтильники: Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ Русской землѣ

положили крѣпкіе уставы, какъ подобаетъ иноку спасти ся, а бояре, къ вамъ пришедшіе, вамъ и свои уставы ввели; не они у васъ постриглися, а вы у нихъ, не вы имъ учители, а они вамъ законоположители. Да, Шереметева уставъ хорошъ, держите его, а Кирилловъ не хорошъ, бросьте его. Доселѣ одинъ бояринъ ввелъ эту слабость, а кто либо другой введетъ другую, да мало по малу устранится весь порядокъ монастырскій и будутъ всѣ обычаи мірскіе; и по всѣмъ монастырямъ сперва начальники уставили крѣпкое житіе, но послѣ нихъ его раззорили. Шереметевъ хочетъ безъ начала у васъ жить, какъ и отецъ его Вассіанъ на Пѣсношѣ. И отцу его есть еще извиненіе, что неволею отъ бѣды постригся, хотя и тутъ Лѣствичникъ пишетъ: „видалъ я и невольно постригшихся, которые паче вольныхъ исправлялись." А вѣдь Іону Шереметева никто въ затылокъ не билъ: за чѣмъ же такъ безчинствуетъ? Но если у васъ такіе порядки приняты, то вы о томъ сами вѣдаете. Богъ свидѣтель, что я только говорилъ ради безчинія монастырскаго. Мнѣ что на Шереметева гнѣвъ держать! вѣдь есть его братья въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ свою опалу положить, а на чернеца что гнѣваться и надъ нимъ ругаться"!

Въ олтарѣ той же Кирилловской церкви, за престоломъ, хранится благоговѣйно-чтимая святыня — небольшая икона преп. Кирилла (5 вер. въ вышину), писанная преп. Діонисіемъ Глушицкимъ „еще живу сущу чудотворцу Кириллу," какъ видно изъ документовъ монастырскихъ и надписи па кіотѣ. На этомъ образѣ-портретѣ, дивный старецъ изображенъ стоящимъ, съ открытою главою, съ руками сложенными на груди, въ мантіи, далеко закинутой съ правой на лѣвую сторону. Богоугодный художникъ вполнѣ сохранилъ величаво-спокойныя и многодумныя черты, которыя составляютъ характеръ лица преп. Кирилла, выражающійся въ его жизни и писаніяхъ. Эта драгоцѣнная икона, подобно большинству древнихъ иконъ Кириллова монастыря, по счастію, не подвергалась поновленіямъ; она покрыта золотымъ окладомъ съ круп-

нымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, между которыми особенно замѣчателенъ большой лазоревый яхонтъ (сапфиръ). Окладъ и створчатый кіотъ сдѣланы въ 1614 году.

Великолѣпными древними иконами красуется осо нно Успенскій соборъ, соединенный съ Кирилловскою і ,рковію посредствомъ арки, близъ раки чудотворца. Весь нижній рядъ иконостаса состоитъ изъ образцевъ древняго искусства, на которые нельзя смотрѣть безъ восторга. Не могу удержаться, чтобы не сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Вотъ та самая икона Богородицы Одигитріи, передъ которою молился преп. Кириллъ, въ уединеніи, на старомъ Симоновѣ. Моля Богоматерь указать ему путь спасенія, онъ пѣлъ акаѳистъ, и когда дошелъ до словъ кондака: „странное рождество видѣвше, устранимся міра“, вдругъ услышалъ голосъ, говорившій ему: „Кириллъ! Иди на Бѣло-озеро; тамъ уготовано Мною тебѣ мѣсто, гдѣ ты можешь спастись.“ Угодникъ Божій послѣдовалъ велѣнію Владычицы небесной; отправившись вмѣстѣ съ другомъ своимъ, преп. Ѳерапонтомъ, въ предѣлы Бѣлозерскіе, взялъ съ собою эту святую икону и по кончинѣ своей оставилъ ее въ наслѣдіе новосозданной имъ здѣсь обители. Эта чудотворная икона, (въ вышину 14 в. въ ширину 10 в.) особенно чтимая окрестными жителями, которые усердно прибѣгали къ ней съ молитвою во время свирѣпствованія холеры, рѣдко находится въ холодномъ соборѣ, но большую часть года остается въ теплом Введенскомъ. Не станемъ описывать великолѣпнаго оклада, сплошь осыпаннаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Храмовой образъ успенія Богородицы принадлежитъ кисти приснопамятнаго инока-иконописца Андрея Рублева († 1430), какъ видно изъ описей монастырскихъ 1614, 1620 и послѣдующихъ годовъ. Это — одинъ изъ лучшихъ образцевъ древняго искусства, достойный удивленія знатоковъ и художниковъ. Мѣра иконы — въ вышину 2 арш., въ ширину 1 арш. 10 верш.

Иконы: Неопалимой Купины, преп. Кирилла (съ событіями изъ жизни его и чудесами), пресв. Троицы (точное подобіе лаврской храмовой иконы въ Троицкомъ соборѣ) и Похвалы Богородицы, очевидно относятся къ XV и XVI вѣку и упомянуты въ описи 1601 года. Всѣ онѣ отличаются древнею тщательностію рисунка и благоговѣйнымъ выраженіемъ священныхъ ликовъ. Украшенія на этихъ иконахъ всѣ древнія, превосходнаго басменнаго и сканнаго дѣла; нѣкоторыя привѣски даны царемъ Іоанномъ Грознымъ.— Передъ мѣстными иконами — серебрянныя старинныя съ надписями лампады. Царскія врата, времени царя Михаила, со столбцами и навѣсомъ въ чеканномъ окладѣ, напоминаютъ собою Троицкій соборъ Сергіевой лавры. Замѣчательны двѣ древнія вышитыя хоругви: одна изъ нихъ дана удѣльной княгиней Старицкой Евфросиніей, другая княгиней Одоевской, супругой знаменитаго князя Никиты Ивановича.

Стѣнное писаніе собора относится къ началу XVII вѣка и поновлено, по прежнему рисунку, въ 1838 году. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, на южной стѣнѣ изображеніе Спасителя, въ видѣ юноши, сидящаго съ открытою книгою въ рукахъ, въ кругѣ изъ звѣздъ и херувимовъ. Надъ нимъ надпись: „ІС. ХС. Еммануилъ." На столбахъ собора написаны лики Русскихъ пустынножителей, большею частію сѣверныхъ. Западная паперть расписана въ недавнее время событіями изъ жизни преп. Кирилла.

Съ сѣверной стороны примыкаютъ къ Собору, какъ бы въ видѣ придѣловъ, двѣ церкви: св. князя Владиміра и св. Епифанія Кипрскаго. Первая изъ нихъ воздвигнута надъ гробницами князей Воротынскихъ и за нее-то упрекалъ Грозный царь иноковъ, когда еще не было церкви надъ гробницею чудотворца. Въ числѣ многихъ, погребенныхъ здѣсь отраслей этого древняго (давно уже угасшаго) рода, первое мѣсто въ порядкѣ времени, занимаетъ князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, вождь царской дружины, который во время болѣзни Іоанновой стоялъ

такъ твердо за права Грознаго и сына его Димитрія противъ князя Владиміра Андреевича и бояръ. Онъ умеръ, судя по надписи, въ 1554 году. Вдова его поставила церковь надъ его могилою. Близь него, по срединѣ храма, покоится самый именитый изъ Воротынскихъ, князь Михаилъ, прозванный подъ Казанью „слугою" государевымъ за свои великіе подвиги, главный воевода противъ татаръ и первый вѣстникъ побѣды; онъ сокрушилъ подъ Москвою и полчища Девлетъ-Гирея Крымскаго, когда въ отсутствіи Іоанна, дерзнулъ ханъ подступить къ его столицѣ. Вмѣстѣ съ Сильвестромъ и другими великими дѣятелями первыхъ славныхъ лѣтъ царствованія Іоаннова, былъ онъ сосланъ на Бѣло-озеро (то есть въ Кирилловъ), гдѣ пользовался свободою и получалъ даже запасы изъ казны царской. Черезъ три года онъ былъ прощенъ, по ходатайству Митрополита и бояръ, которые поручились, въ случаѣ его бѣгства, заплатить за него 15 тысячъ рублей (въ то время огромная сумма). Но спустя десять лѣтъ, и менѣе нежели черезъ годъ послѣ побѣды его надъ Крымцами, мужъ доблести и славы, оклеветанный въ ворожбѣ рабомъ своимъ, преданъ былъ на смертную муку. „Дѣдъ и отецъ мой, отвѣчалъ доблестный воинъ, посреди пытокъ на допросы Іоанновы, научили меня ревностно служить Богу и царю, а не бѣсу; не вѣрь злобѣ бѣглаго раба". Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить; престарѣлаго витязя привязали къ дереву, между двухъ огней и самъ Грозный подгребалъ горящіе уголья къ тѣлу страдальца. Едва дышущаго повезли въ заточеніе на Бѣло-озеро, но онъ скончался дорогою въ Кашинѣ (въ 1573 г.) и уже мертваго привезла супруга его въ обитель, чтобы положить въ родовую усыпальницу.

Прочіе Воротынскіе, здѣсь погребенные, ничѣмъ не прославились, равно какъ и князья Телятевскіе, надъ склепомъ коихъ поставлена, смежная съ Владимірскою, церковь св. Епифанія Кипрскаго. Это было молитвенное, то есть иноческое имя князя Өеодора Телятевскаго, постригшагося въ обители Кирилловой, который въ ней скончался

въ 1654 году и оставилъ по себѣ вкладъ для сооруженія церкви; она также поновлена какъ и церковь Воротынскихъ, хотя есть въ обѣихъ нѣсколько древнихъ иконъ. Подъ алтаремъ Епифаніевской церкви покоится, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе, одинъ изъ любимыхъ учениковъ преп. Кирилла, Игнатій, строгій постникъ и молчальникъ, а на паперти погребены нѣкоторые изъ именитыхъ настоятелей обители, уже въ новѣйшія времена. Такъ эти три церкви, пристроенныя къ собору, одна съ южной стороны, съ гробницею чудотворца, и двѣ съ сѣверной, составляютъ главную массу церковныхъ зданій обители Кирилловой.

Зимній Введенскій соборъ, сооруженный въ XVII вѣкѣ, и уже обветшалый, превосходно перестроенъ за ново, въ 1863 году, при архимандритѣ Ѳеофанѣ Комаровскомъ (нынѣ настоятелѣ Соловецкаго монастыря). Храмъ обширный, свѣтлый, съ прекраснымъ видомъ на озеро изъ широкихъ оконъ. Въ иконостасѣ невольно обращаютъ на себя благоговѣйное вниманіе иконы: Успенія Богородицы, писанная преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, но къ сожалѣнію, поновленная; чудотворный образъ Умиленія, вкладъ княгини Старицкой Евфросиніи въ 1566 году, великолѣпно украшенный и еще образъ преп. Кирилла, древній, обложенный золотомъ и каменьями отъ усердія царя Іоанна.

Есть еще нѣсколько церквей въ Кирилловѣ, напоминающихъ прежнее богатство и многолюдство обители: близь колокольни, на св. воротахъ сѣверныхъ и южныхъ, и наконецъ за Кирилловской церковью, небольшой храмъ во имя преп. Евѳимія Великаго, построенный въ 1653 году и теперь уже упраздненный.

Могъ ли полагать патріархъ Никонъ, во дни своей славы, когда далъ свое благословеніе на постройку этого малаго храма въ отдаленномъ Бѣлозерьѣ, что здѣсь будетъ онъ нѣкогда, изгнанникомъ, слушать божественную службу, предъ концемъ земной жизни?

Тяжка была жизнь Никона въ Кирилловѣ, по перемѣщеніи его сюда изъ Ѳерапонтова. Здѣсь предстоялъ низло-

женному первосвятителю послѣдній періодъ испытанія, изъ котораго вышелъ онъ какъ злато, искушенное въ горнилѣ. Никону, который въ дѣтствѣ едва не сгорѣлъ въ печи отъ злобы мачихи, заклавшей его дровами, суждено было, въ первые годы своего заключенія въ Кирилловѣ, страдать ежедневно отъ угара, въ дымныхъ келліяхъ, гдѣ его затворили подъ крѣпкою стражею, такъ что онъ едва не скончался отъ невыносимаго томленія. Всѣхъ его присныхъ, бывшихъ при немъ въ Ѳерапонтовѣ, разослали по дальнимъ мѣстамъ, и какъ бы въ язвительный ему укоръ, въ тотъ Крестный монастырь, который самъ онъ основалъ на Бѣломъ морѣ. Богатую келейную казну его, накопившуюся отъ милостей царскихъ въ Ѳерапонтовѣ, всю опечатали, лишивъ его даже необходимыхъ вещей. Изнуренный старецъ помышлялъ о вѣчности, и желалъ только послѣдней отрады: успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители новаго Іерусалима. Все житейское въ немъ уже перекипѣло, и послѣдняя даже искра мірская угасла въ Кирилловѣ, во время пятилѣтняго тяжкаго заключенія. Это былъ опять Никонъ, подвижникъ Анзерскаго скита, прилагавшій по обычаю труды къ трудамъ, но уже безъ сочувствія къ внѣшнему, и если чего еще не могъ забыть, то это лишь подобія земнаго Іерусалима, имъ начатаго и не довершеннаго, которое напоминало ему о горнемъ Іерусалимѣ и гдѣ онъ давно уже избралъ себѣ мѣсто гробоваго покоя подъ Голгоѳою. Господь внялъ его молитвѣ. Никонъ скончался на пути изъ Кириллова, подъ Ярославлемъ. При точномъ изслѣдованіи мѣстности, нельзя усумниться, что келліи, которыя занималъ бывшій патріархъ, были тѣ самыя, гдѣ теперь помѣщается духовное училище, съ южной стороны Евѳиміевской церкви; подлѣ нихъ и доселѣ уцѣлѣлъ корпусъ, называющійся больничнымъ. Мѣстность ихъ съ точностію опредѣлена въ донесеніи архимандрита Никиты патріарху Іоакиму, по тому случаю, когда велѣно было устроить особую кухню для Никона, чтобъ избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постояннаго угара.

Кромѣ Никона, томились здѣсь и другіе именитые изгнанники и узники. Воротынскій и Шереметевъ при Іоаннѣ Грозномъ, а при Годуновѣ—князь Черкасскій, близкій родственникъ Романовыхъ и князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, доблестный старецъ-воевода, защитившій Псковъ отъ осады Ляховъ Послѣдній изъ нихъ былъ удавленъ въ одной изъ башенъ монастырскихъ.

Одна изъ главныхъ достопримѣчательностей монастыря—древняя ризница. До половины XVIII вѣка она считалась одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи и можетъ быть уступала только ризницѣ Сергіевой лавры. Въ 1785 году значительное число золотыхъ и серебряныхъ вещей, украшенныхъ дорогими камнями и жемчугомъ, вытребовано въ распоряженіе св. Сѵнода; многія изъ нихъ находятся теперь въ Александроневской лаврѣ и другихъ сокровищницахъ. Много серебра пожертвовано обителью, въ годины испытаній отечества — въ 1612 и 1812 годахъ. Но всего болѣе уничтожено разныхъ облаченій и другихъ предметовъ за ветхостью и излишествомъ, какъ видно изъ сравненія описей разнаго времени.

Впрочемъ сохранилось еще и теперь не мало вещей изъ древнихъ сокровищъ монастырскихъ. Бывшій настоятель Кирилловскій, о. архимандритъ Варлаамъ (нынѣ преосвящ. Черниговскій) составилъ археологическое описаніе этихъ предметовъ; оно напечатано въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей (1859 № 3). Нельзя не сказать о Кирилловской ризницѣ нѣсколько словъ.

Вотъ фелонь и подризникъ преп. Кирилла. Вотъ и деревянный красный потиръ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, и Предтечи — точно такой же, какъ у преп. Сергія. Вотъ овчинный его тулупъ, широкій, съ петлями; его шерстяной колпакъ; костыль изъ орѣховаго дерева; кожаная котомка; кожаный поясъ съ деревянною пряжкою; двѣ чаши въ футлярахъ, мѣдныя, и деревянный ковшъ. А вотъ и духовное его завѣщаніе, въ которомъ онъ поручалъ свой монастырь Можайскому князю Андрею.

Недалеко отъ этой утвари, свидѣтельствующей духовное смиреніе чудотворца, стоитъ памятникъ совершенно противоположный, памятникъ неуступчивой самоувѣренности. Это кресла, сдѣланныя патріархомъ Никономъ, подъ ручками которыхъ вырѣзалъ онъ слѣдующую надпись: „7176 (1668) марта 12 дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никономъ патріархомъ въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрмѣ."

Отъ вкладовъ царя Іоанна остались одни золотые его сосуды, потиръ, дискосъ и лжица, гладкіе безъ украшеній, съ обычнымъ деисусомъ и причастными на нихъ словами, два серебряныя блюдца, и еще серебряный ковшъ и кубокъ—вотъ и вся память Грознаго, въ любимой его обители, на имя которой онъ постригся! Есть еще другой золотой потиръ, но уже не царскаго вклада, а современнаго Іоанну святителя Полоцкаго Аѳанасія, который былъ игуменомъ обители, и въ старости уединился опять на мѣстѣ иноческаго своего обѣта. Еще есть серебряные сосуды, пожертвованные императрицею Анною, которая особенно благоговѣла къ обители; другихъ болѣе драгоцѣнныхъ не сохранилось у преп. Кирилла, котораго ризница не уступала Сергіевой. Заслуживаетъ вниманія еще одна позлащенная кадильница, въ видѣ пятиглаваго храма, которая пожертвована, въ 1668 году, служителемъ князя Бротынскаго, съ изображеніемъ на ней семи первыхъ діаконовъ апостольской Церкви.

Между замѣчательными покровами на раку чудотворца, было нѣсколько шитыхъ шелками и золотомъ съ ликомъ тѣлеснаго цвѣта, но они рѣдко возлагаются на его гробницу. Самый древній изъ нихъ, 1514 года, есть даръ великаго князя Василія Іоанновича, постригшагося при кончинѣ, на имя Кирилловой обители. Второй изъ нихъ отъ невѣстки, царицы Анастасіи изъ дома Романовыхъ, 1555 года, пожертвованный послѣ взятія Казани. Третій покровъ шитъ золотомъ и шелками, по голубому полю: „приношеніе отъ святаго святому, даръ страстотерпца царевича Димитрія преп. Кириллу, съ которымъ онъ со-

причтенъ къ ликамъ заступниковъ земли Русской. Сверху вышита икона святой Троицы, а къ каймѣ тропарь св. Кириллу; въ подписи сказано, что „повелѣніемъ царя Θеодора Іоанновича и его супруги, Божіею милостію государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русіи сынъ, царевичь князь Димитрій Іоанновичь Углицкій, приложилъ покровъ сей Кириллу Бѣлозерскому чудотворцу, за ихъ государево здравіе, и за свое и за матерь свою, царицу и великую княгиню Марію." Изъ сего видно, что царевичь, будущая жертва Годунова, уже въ Угличѣ, и мать его какъ бы домогается напомнить о немъ предъ лицемъ всей Россіи, что онъ дѣйствительно сынъ царя и слѣдственно его наслѣдникъ. Есть нѣчто лѣтописное, и вмѣстѣ печальное въ этомъ покровѣ! Четвертый устроенъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, супругою его Маріею Ильиничною.

Драгоцѣнная плащаница, шитая древнимъ высокимъ искусствомъ, въ Горицкой обители, которая всегда славилась своимъ рукодѣльемъ. На ней изображено положеніе во гробъ Спасителя, а вокругъ восемь апостоловъ и столько же пророковъ, три святителя Греческія и три Московскіе и еще нѣсколько ликовъ святыхъ, съ предстоящими ангелами. Это даръ княгини-инокини Евфросиніи, вдовы князя Старицкаго Андрея, которая была столь щедра въ своихъ вкладахъ обители Кирилловой: она ихъ жертвовала по своемъ мужѣ, дядѣ царскомъ, уморенномъ въ темницѣ Московской, во дни малолѣтства Іоаннова, его суровою матерью правительницею Еленою, и по сынѣ своемъ князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, который пострадалъ, быть можетъ, по ея честолюбивому совѣту, когда она внушила ему дерзновенную мысль о наслѣдіи престола во время болѣзни царя. Но еще плащаница устроена Евфросиніею, какъ видно по надписи, при жизни сына, когда однако уже висѣлъ мечь надъ его головою; честолюбіе проглядываетъ изъ словъ самой надписи: „въ царство благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича всея Руси, при преосвященномъ митрополитѣ Макаріи, повелѣніемъ благовѣрна-

го князя Владиміра Андреевича, внука государя Іоанна Васильевича всея Руси". Мать-инокиня напоминаетъ здѣсь о высокомъ происхожденіи своего сына, которое обольстило ее столькими несбывшимися надеждами. Вскорѣ сынъ ея, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, вынужденъ былъ выпить ядовитый кубокъ, предъ лицемъ Грознаго, а мать его, непощаженная даже въ иночествѣ, утоплена въ Шекснѣ, подъ стѣнами обители Горицкой!

Сохранились также двѣ фелони и два стихаря, низанные жемчугомъ съ дорогими камнями, риза и стихарь изъ становаго кафтана царя Бориса—остатки древней ризницы, въ которой было нѣкогда 17 ризъ священническихъ, 7 епитрахилей, 4 набедренника, 2 палицы, 8 стихарей и 5 паръ поручей, плотно усѣянныхъ сверху до низу крупнымъ жемчугомъ, перемѣшаннымъ съ изумрудами, яхонтами, лалами, алмазными искрами, топазами, въ золотыхъ, облитыхъ финифтью гнѣздахъ и въ сребропозлащенныхъ дробницахъ. Изъ числа богатыхъ архимандритскихъ митръ сохранилось пять, низанныхъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. Въ числѣ многихъ небольшихъ комнатныхъ иконъ (по старинному пядницъ), находящихся въ ризницѣ, особенно замѣчателенъ по превосходному письму и богатому убранству образъ Умиленія Богородицы, вкладъ супруги князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго (ум. въ 1680 г.) Анастасіи Львовны. На немъ окладъ и вѣнецъ съ короною золотые, и первый рѣзной съ чернью, а последніе чеканные; подъ вѣнцомъ цата золотая же сканной работы съ финифтью; по полямъ на окладѣ семь накладныхъ золотыхъ дробницъ. Все это унизано крупнымъ жемчугомъ, изумрудами и рубинами.

Особенно привлекало къ себѣ мое вниманіе книгохранилище обители, богатое древними рукописями, которыхъ, въ описи 1841 года, значится 1938. Но ихъ нѣтъ уже здѣсь: онѣ сдѣлались достояніемъ Петербургской Духовной Академіи. Сказать ли вамъ откровенно: сначала огорчило меня внезапное разочарованіе, но послѣ я порадовался, что такое сокровище теперь въ безопасности

и можетъ служить на пользу наукѣ, а не на соблазнъ невѣжественной любостяжательности. Въ ризницѣ монастырской остались только собственныя книги преп. Кирилла, числомъ 17, помѣченныя его именемъ.

Какъ самъ преп. Кириллъ занимался писаніемъ книгъ, то и присные ученики его Ѳерапонтъ, Мартиніанъ, Христофоръ, Нилъ Сорскій и другіе, подражая его примѣру, занимались тѣмъ же. Въ жизни преп. Корнилія Комельскаго сказано, что онъ по себѣ оставилъ много книгъ своего письма въ Кирилловѣ, которыхъ впрочемъ уже тамъ нѣтъ. Любитель просвѣщенія духовнаго, преп. Іосифъ Волоколамскій, подвизавшійся въ обители Кирилловой, быть можетъ въ ней почерпнулъ свою любовь къ ученымъ занятіямъ, и можно сказать, что любознательный духъ Кирилла, сдѣлался наслѣдіемъ его учениковъ, которые вмѣнили себѣ въ обязанность, прилагать письменные труды свои къ его трудамъ; такимъ образомъ составилась обширная библіотека, единственная въ свое время, потому что ни въ какой иной обители, ни даже въ лаврѣ Троицкой, не было подобной. Не достойно ли особеннаго вниманія, что въ такой глуши, на дикомъ сѣверѣ, Кирилловъ монастырь, служившій мѣстомъ заточенія, былъ не только разсадникомъ иночества, по многому числу вышедшихъ изъ него настоятелей, но въ тоже время источникомъ провѣщенія по своимъ книгамъ? Нѣкоторыя изъ сказанныхъ 17 книгъ писаны учениками его: преп. Мартиніаномъ, въ послѣдствіи игуменомъ Ѳерапонтова монастыря, и Христофоромъ, однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ преп. Кирилла. Игуменъ Христофоръ, при жизни богоноснаго наставника своего, написалъ много книгъ церковныхъ и нисколько не превознесся отъ того, что сдѣлался настоятелемъ такой именитой обители, но старался только съ должнымъ смиренномудріемъ исполнять то, что видѣлъ творящимъ отца своего Кирилла; до такой степени любилъ онъ убожество въ своихъ одеждахъ, что нельзя было различить игумена отъ прочей братіи, а между тѣмъ такъ велика была забота его о убогихъ, что когда, во вре-

мя междоусобныхъ браней, много православныхъ взято были въ плѣнъ, онъ искупалъ ихъ на деньги монастырскія и возвращалъ въ свои мѣста. Сынъ Донскаго, князь Юрій Дмитріевичъ, ратовавшій противъ племянника своего, великаго князя Василія, приглашалъ къ себѣ для свиданія и духовной бесѣды блаж. игумена Христофора дважды и трижды, но онъ всегда отрекался, говоря, что не имѣетъ обычая выходить изъ ограды и не можетъ нарушить чинъ монастырскій. Князь же Юрій, удивившись го твердости, изъ уваженія къ нему, отпустилъ всѣхъ лѣнниковъ. Въ Евангеліи апракосъ, въ малый листъ, написанномъ Христофоромъ въ 1415 году, на пергаменѣ, замѣчательны слова на первомъ листѣ. Изъ нихъ видно съ какимъ благоговѣніемъ принимался труженикъ за свое агочестивое дѣло: „Господи ІС. ХТЕ, Единородный Сы- Отца Собезначальнаго, рекій пречистыми ти усты, яко зъ мене не можете творити ничтоже, Господи, мой Госди, вѣрою объемъ въ души моей и сердци тобою реінная, припадаю къ твоей благости. Помози ми грѣшно- сіе желанное мною начепъ о тебѣ самомъ и довенти.“ Имя Спасителя въ этомъ Евангеліи писано вез- сокращенно ІС, исключая одного мѣста: „ИІС ХРТВО ество сице бѣ“. Въ соборномъ канонникѣ преп. Маріана 1405 года замѣчательно послѣсловіе! „Всякому благу ХС есть начало и конецъ. Тому слава въ безечныя вѣкы аминь. Господине старецъ Ануфріе створюбовь: поминай грѣшнаго въ молитвахъ своихъ свяь, Мартиньяна инока, лжею инока, а не истиною“. умилительно смиреніе угодника Божія, почитавшаебя не истиннымъ, а ложнымъ инокомъ! Какой придля тѣхъ, которые услаждаются мнимыми своими дѣтелями! Особенно замѣчательны двѣ книжки въ долю, писанныя на бомбицинѣ (бумагѣ изъ хлопіка), почеркомъ весьма сходнымъ съ тѣмъ, какимъ ано духовное завѣщаніе преп. Кирилла. Это заставпредполагать, что эти книжки писаны самимъ Кимъ. Содержаніе ихъ еще болѣе увѣряетъ въ такомъ

предположеніи. Онѣ заключаютъ въ себѣ выписки изъ правилъ Соборовъ и св. Отецъ, Василія Великаго, Никона Черногорца и другихъ, относящихся наиболѣе къ церковному уставу и къ пустынной иноческой жизни. Такого рода выписки были особенно важны для человѣка, который изъ населенной и людной Москвы отправлялся въ мѣста пустынныя, для водворенія иноческой жизни. При концѣ преп. Кириллъ счелъ не излишнимъ вставить многія объясненія явленіямъ природы, изъ коихъ иныя заимствованы изъ древняго писателя Галена. Такъ, здѣсь находимъ статьи: о земномъ устроеніи, гдѣ доказывается, что земля устроена устроеніемъ яйцо-виднымъ, о разстояніи неба отъ земли, о землетрясеніи, которое объясняется посредствомъ жилъ, въ сердцѣ земли находящихся, о четырехъ стихіяхъ, моряхъ, о облакахъ, о громахъ, молніяхъ, и падающихъ звѣздахъ. Видно, что дивному пустынножителю не чужды были сочиненія древнихъ о законахъ естества, и онъ пользовался ими въ дебряхъ сѣвера для того, чтобы разгонять предразсудки народные и объяснять явленія природы естественнымъ образомъ.

Въ палатахъ, гдѣ помѣщалась прежде библіотека рукописей, лежатъ груды пыльныхъ свитковъ бумаги, относящіяся къ хозяйственному управленію монастыря, который, до штатовъ 1764 года, имѣлъ 21,590 душъ крестьянъ. Любопытно видѣть, какъ монастырь бралъ оброкъ съ крестьянъ натурою, и болѣе всего хлѣбомъ разнаго рода. Монастырскія житницы, какъ видно, были подъ надзоромъ цѣловальниковъ, которые вели и приходу и расходу подробный отчетъ. Повѣрка всего также дѣлалась цѣловальникомъ или соборнымъ старцемъ „большимъ житникомъ". который, свѣривъ приходъ съ расходомъ, расписывался. Отдѣльныя села и приселки управлялись старцами-чернецами, которые отдавали подробный отчетъ во всемъ архимандриту, келарю и соборнымъ старцамъ. Тамъ же хранится и запасъ древнихъ оружій, которыми дѣйствовали изъ крѣпости монастырскіе воины противъ Литвы и Поляковъ. Шлемы, латы, бердыши, кольчатые нагрудники и

наспинники, которыхъ не приподнимешь, говорятъ о силѣ нашихъ старинныхъ богатырей.

Изъ сѣней этихъ палатъ выходъ на ограду. Но чтобы лучше окинуть взоромъ всю громандность Кирилловской твердыни, нужно видѣть ее съ высоты Ивановскаго холма: отсюда открывается, во всемъ величіи, внѣшняя ограда обители съ ея исполинскими башнями; она простирается на 715 саженъ, и усвоила монастырю названіе города, когда еще не прилегалъ къ стѣнамъ его нынѣшній уѣздный городокъ. Много жилья для ратныхъ людей помѣщалось въ нижнемъ ярусѣ ограды, потому что Кирилловъ почитался крѣпкою твердынею во время Литовскихъ набѣговъ, и если не выдержалъ столь долгой осады, какъ лавра Троицкая, то также можетъ похвалиться отраженіемъ непріятельскихъ приступовъ и своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ. Въ лѣтописцѣ обители записано, что „въ 7120 году (1612), іюня въ 10-й день, Литва выжгла и высѣкла Бѣлоозеро (т. е. городъ Бѣлозерскъ, отстоящій только за 30 верстъ отъ обители); а въ 20-й день августа подходила подъ Кирилловъ монастырь, съ Уломской дороги и выжгла гостинный дворъ, конюшенный и швальню; а въ слѣдующемъ году, сентября въ 22-й день, Литва выжгла Вологду и опять приступила къ монастырю, ночью, декабря на 5-е число; панъ Бобовскій съ Черкасами (малороссійскими казаками), непремѣнно покушались взять монастырь, потомъ же панъ Песоцкій съ братомъ своимъ, ночью на 11-е число, приступали къ монастырю, но были отбиты“.

По преданію старожиловъ, одинокій холмъ на западной сторонѣ Сиверскаго озера, слывущій Золотухой, есть то мѣсто, гдѣ стоялъ таборъ Черкасскій и Литовскій во время осады; здѣсь былъ убитъ ядромъ, съ монастырской башни, вражескій воевода, потому и носится еще суевѣрная молва, будто бы подъ симъ холмомъ зарыты награбленныя сокровища Литовскія, которыя можно обрѣсти только въ Ивановъ день. Стѣны съ трехъ сторонъ, восточной сѣверной и западной, въ три яруса, и только въ одинъ

съ южной, которая прилегаетъ къ Сиверскому озеру. До пяти сажень высоты въ большой стѣнѣ и до трехъ ширины: по этому можно судить, какова ея прочность и чего она стоила. Весь нижній ярусъ состоитъ изъ келлій или чулановъ, безъ печей и помоста; иногда по три келліи соединялись между собою, но не болѣе квадратной сажени въ каждой изъ нихъ; такихъ считается до 700 въ большой оградѣ и всѣ онѣ пусты. Можно думать, что здѣсь жили стрѣльцы, защищавшіе монастырь. Во второмъ и въ третьемъ ярусѣ однѣ лишь открытыя арки, для свободнаго хода вокругъ всей стѣны; со стороны озера стѣны утверждены быками, отъ напора волнъ, и крыша ихъ покрыта желѣзомъ. Десять каменныхъ башень, различной высоты и зодчества, стоятъ по оградѣ, не считая малыхъ. Всѣхъ величественнѣе Московская, прежде называемая Ѳерапонтовою, по направленію къ этой обители, на сѣверозападномъ углу большой ограды, о 15 граняхъ и въ нѣсколько поясовъ; высота ея слишкомъ 25 сажень, и 130 ступеней ведутъ на верхъ. Во всю ея высоту отъ самаго подвала и до крыши, стоитъ внутри каменный осмигранный столбъ, раздѣленный на ярусы или такъ называемые мѣшки (около 4 арш. въ поперечникѣ) куда сажали преступниковъ или плѣнныхъ: страшная темница, достойная суроваго времени среднихъ вѣковъ!

Вотъ какъ много написалъ я вамъ моихъ воспоминаній о Кирилловѣ, и могъ бы написать еще болѣе, еслибы не боялся утомить васъ и читателей Душеп. Чтенія. Прощаясь съ древнею обителью я вынесъ съ собою тоже впечатлѣніе, которой такъ краснорѣчиво выразилъ покойный С. П. Шевыревъ, за 20 лѣтъ до меня посѣтившій Кирилловъ монастырь: „У насъ нѣтъ феодальныхъ замковъ, которыми усѣяна западная Европа. Намъ отъ нашего древняго періода, остались памятники другаго рода, которыхъ значеніе отдѣлено религіознымъ характеромъ самой жизни Русской. Нашн замки — монастыри, гдѣ личная сила избранныхъ мужей не развивалась произвольно, а напротивъ, въ молитвѣ, постѣ, нищетѣ, смиреніи, подчиня-

лась силѣ Божіей и примѣромъ своимъ учила этому подчиненію и мірскія власти и народъ. Отшельники, въ овчинныхъ тулупахъ, въ худыхъ ризахъ—владѣтели этихъ замковъ и владѣтели вѣчные, потому что исторія потокомъ времени не могла отнять этого владѣнія у тѣхъ, которые думали не о временномъ, а о вѣчномъ. Слуги Божіи, создатели твердынь духовныхъ, остались въ нихъ неприкосновенными ни людямъ, ни времени. Съ землянки, съ деревянной кельи, съ брусяной церкви, начиналась эта твердыня; она проливала на свою дальнюю окрестность свѣтъ благочестія, молитвы, вѣры, любви, кормила голодныхъ, цѣлила недужныхъ, принимала странныхъ, выкупала плѣнныхъ, водворяла кротость въ нравахъ, служила духовнымъ оплотомъ противъ язычества и нечестія. Государственная власть на этомъ духовномъ основаніи воздвигала оплотъ для безопасности внутренней и внѣшней. Твердыня духовная становилась государственною крѣпостью. Возникали огромныя стѣны и башни, снабженныя всѣми воинскими снарядами. Оплотъ вѣры служилъ оплотомъ и отечеству".

С. Каменное. 15 іюля 1867 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. Воспоминанія на пути отъ лавры Сергіевой до Бѣлозерья.— Село Воскресенское на Обнорѣ.— Обитель преп. Павла Обнорскаго.— Бывшій монастырь преп. Сергія Нуромскаго.— Арсеніевъ и Корниліевъ Комельскіе монастыри 1

ПИСЬМО ВТОРОЕ. Вологда. Соборъ, Спасобыденная всеградская церковь, монастыри Спасо-Прилуцкій и Святодуховъ.— Заоникіева пустынь.— Троицкая церковь 19

ПИСЬМО ТРЕТІЕ. Путь отъ Вологды до Бѣлозерья 39

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ. Бывшій монастырь преп. Ѳерапонта.— Горицкая дѣвичья обитель.— Пустыня преп. Нила Сорскаго 54

ПИСЬМО ПЯТОЕ и ПОСЛѢДНЕЕ. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь 75